

Владимир Рукосуев

*Гураны.
Исчезающее
племя*

Владимир Рукосуев

Гураны. Исчезающее племя

«Издательские решения»

Рукоуев В.

Гураны. Исчезающее племя / В. Рукоуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902090-1

По моей классификации принадлежность к племени гуранов можно присваивать только носителям определенной субкультуры. На первый взгляд это может показаться абсурдным и спорным. Я считаю, что гураном можно стать не только по рождению, но вследствие воспитания в среде с малолетства, если попадаешь в нее, как Маугли в стаю. А еще гураном можно перестать быть. Маугли пожил с людьми, перенял их привычки и перестал быть волком. Как паста. Выдавить из тюбика можно, а вернуть уже нельзя.

ISBN 978-5-44-902090-1

© Рукоуев В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1. ВОЖДЬ	8
ГЛАВА 2. И НОСИЛО МЕНЯ	11
ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ НОГИ	14
ГЛАВА 4. НАМ НЕТ ПРЕГРАД	16
ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ	18
ГЛАВА 6. ИНТЕРЕСНОЕ КИНО	22
ГЛАВА 7. КОНЕЦ СВЕТА	25
ГЛАВА 8. ЧУЖОЙ ДЕД	28
ГЛАВА 9. ВЫСЫЛКА	31
ГЛАВА 10. В ИЗГНАНИИ	32
ГЛАВА 11. ВОЗВРАЩЕНИЕ	33
ГЛАВА 12. ВОСПИТАНИЕ	37
ГЛАВА 13. ФЕЙЕРВЕРК	39
ГЛАВА 14. БДИТЕЛЬНОСТЬ	41
ГЛАВА 15. СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ	44
ГЛАВА 16. КОНЦЫ ОБРУБАЮТСЯ	47
ГЛАВА 17. ЗАПАДНЯ	49
ГЛАВА 18. ТАЧАНКА	51
ГЛАВА 19. НА КОМИССИЮ	53
ГЛАВА 20. ЗАРНИЦА	56
ГЛАВА 21. ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ	59
ГЛАВА 22. ЧАБАНСКИЕ БУДНИ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Гураны. Исчезающее племя

Владимир Рукосуев

© Владимир Рукосуев, 2018

ISBN 978-5-4490-2090-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто такие гураны?

Одни ученые пишут, что гураны это результат смешения европеоидной и монголоидной рас, то есть этнос. Другие, что это всего лишь тип местного населения. Водится этот тип исключительно в Забайкалье, а зовется так, потому что встарь мужчины этого явления носили шапки с рожками самца косули. По-монгольски гурана.

Не хочу возражать ученым, косуль тогда было много, а козлов и сейчас в достатке. Но у меня, как некогда к этому типу принадлежавшего, есть своя классификация, основанная на жизненных наблюдениях.

Внешняя отличительная черта гуранов, точнее черты, это их монголоидность. Иногда до полного сходства. Однажды я спросил коллег на новом месте работы как мне утром опознать вахтовый автобус. Мне радостно сообщили, что в 7—00 автобус будет стоять возле магазина «Рассвет» (дело было на КСК в Чите). Для верности нужно держаться Иванова Саши, он здоровый, в унтах и полушубке, не ошибешься.

Я все утро искал Иванова и прозевал автобус. Коллеги назвали меня растяпой и показали «приметного» Иванова. Внешне это был бурят, т.е. монгол в российской интерпретации. Но назови его бурятом – обидится. В Москве на вокзале однажды гуран удивился, как это я определил, что он едет в Читу. А на одном из московских мероприятий, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к забайкальской среде я подошел к компании читинцев и предводителю с чисто гуранской внешностью неуклюже отпустил комплимент вроде того, что нас ни с кем не спутаешь: «Глаз узкий, нос плоский, чистый русский!». Оказался без чувства юмора и дружба не состоялась. Кстати, тоже оказался Ивановым.

Но внешность, все же, не единственное и не главное определяющее качество гурана. Есть гураны и с чисто европейской внешностью. Или не очень перемешались или приобрели свойства гурана в результате проживания в этой местности.

Кстати, о местности. Нельзя считать, что все проживающие в Забайкалье поголовно гураны. Даже местные.

По моей классификации принадлежность к этому племени можно присваивать только носителям определенной субкультуры.

На первый взгляд это может показаться абсурдным и спорным. Я считаю, что гураном можно стать не только по рождению, но вследствие воспитания в среде с малолетства, если попадаешь в нее с детства, как Маугли в стаю. А еще гураном можно перестать быть. Попытаюсь разяснить свою мысль на примере. Маугли пожил с людьми, перенял их привычки и перестал быть волком. Как паста. Выдавить из тюбика можно, а вернуть уже нельзя.

Один из моих коллег, когда в начале возрождения казачества объявилось много атаманов, и они соревновались, завлекая в свои ряды как можно больше статусных фигур, с деланным простодушием спросил:

– А казаки это нация или сословие? Вот вы хлопчете о причастности к репрессированным народам, значит все-таки нация?

– Ну, да. Этнос такой.

– Этнос это почти нация?

– Конечно!

– А я могу стать казаком?

– Любой может. Вступайте к нам.

– И сразу стану казаком?

– Да, как только на круге «Любо!» скажут.

– Странно... Вот я могу принять китайское гражданство, но китайцем от этого мне не стать. А казаком могу. Как же это получается?

Все-таки, казаки это носители определенной субкультуры. Пусть они это называют традициями дедов, духом народа, как угодно. Подтверждается тем, что когда их не чествовали, то их и не было. Как только привилегиями запахло, так они и объявились. В их рядах оказались и евреи и горцы, а возглавили их впоследствии профессора и генералы со смутным происхождением, но явной принадлежностью к структурам профессионально подготовленным направлять в нужное русло любые сообщества. Никакой этнос все это не напоминает. А напоминает массовку под управлением умелых аниматоров, а иногда и стадо овец на мясокомбинате под руководством тех, из кого гураны раньше шили шапки.

Гураны же, будучи казаками, атеистами, православными и кем угодно, прежде всего, являются гуранами. Но сохранить эту культуру можно только там, где не меняется образ жизни предков. Как только они отрываются от родных корней, так сразу утрачивают свое гуранство. И тем, кому повезло с европейским обликом, вообще его подтвердить не смогут.

Собственно гуранские черты характера включают в себя: прямодушие, бесхитрость, личную храбрость, преданность, способность к взаимовыручке. За это они ценились на всех войнах. Отличаются трудолюбием, за что ценятся повсеместно. В чужой среде, скажем в городе, приходится идти на компромиссы, приспосабливаться, ловчить, т. е. отказываться от своих родовых привычек. И все, это уже не гуран.

У гуранов, помимо всего, есть собственный диалект, почти язык, который понимают только они.

Вот тестовый отрывок речи:

– Лонись с братаном на Халзанке хлынял еланью всундалой.

В переводе:

– Прошлогодней осенью мы с двоюродным братом ехали мелкой рысью по склону горы с еловой порослью вдвоем на одной лошади, у которой была белая полоса на морде.

Оцените лаконичность. В немногословии коренные гураны не уступят финнам, что тоже часто служит темой фольклора.

А вот за пределами проживания они своего говора стесняются, считая признаком необразованности, дети их, его вовсе утрачивают.

С сокращением ареала обитания племя гуранов стремительно исчезает. Причина не только в естественной убыли населения, но и в условиях, которые образовались в результате преобразований в советские времена с провозглашенным «слиянием города с деревней» и последующих «реформ» в стране, «стабильностей и развития».

В результате созданные в забайкальском селе условия оказались непригодными для нормальной жизни. Все кто способен получить информацию, а сейчас это не трудно, кто выезжал за пределы края и способен анализировать, сравнивать, стремятся вырваться, с кровью отрывая свою пуповину от родимой матери-родины. Препятствием для бегства на сегодняшний день является только материальное неблагополучие.

А если выехал, то ты уже не гуран, ибо сохранить свои качества в чужой среде невозможно.

Мне тем более жалко наблюдать исчезновение этого чудесного народа. Сам, будучи ребенком, завезенным в целинные годы в забайкальскую деревню, был гураном.

О том, как иногда вопреки здравому смыслу выживали гураны в благополучные, казалось бы, времена я и рассказываю в этой книге.

На фото автор в семнадцать лет.

ГЛАВА 1. ВОЖДЬ

В полдень раньше времени из школы вдруг прибежала в слезах двенадцатилетняя Галька, тетка. С порога истерически закричала:

– Спите здесь!

И захлебнувшись рыданиями, выбежала на улицу. Бабушка вскочила, отдернула занавеску на окне, ахнула:

– Помер, поди!

Выбежала, на ходу накидывая на себя верхнюю одежду.

Мне не было еще и пяти лет, конечно, я не мог отстать. Выбежал в коридор барака как был, без верхней одежды. Следом двоюродные сестры Томка и Танька. Соседка перехватила всех и загнала назад в комнату. Потом вернулась бабушка, забрала меня, кое-как накинув одежонку, а младших заперла в комнате. Мы побежали на какую-то площадь, где уже собирался народ. Над головами разносился скорбный и торжественный голос. О чем он говорил, я не понял, но все вокруг плакали, некоторые обнявшись. Голос разносился из тарелки на столбе. Обычно из нее лилась музыка, иногда песни и гимнастика. Вообще, до этого дня я ничего в своей жизни не помнил. Видимо всеобщее потрясение подвело черту под моей прежней бессознательной жизнью, тревога окружающих, почти осязаемая, заставила осмысливать действительность. С того дня я уже помнил почти все, что происходило вокруг и со мной. Наверное, кончилось «безмятежное детство». Если принимать этот штамп, то, какое детство началось? Мятежное? Тогда я об этом не думал, а стоял и ревел вместе со всеми, чувствуя, что неотвратимо надвигается что-то неизвестное и страшное. Такое же, как ежедневное появление в бараке соседских пьяных дядей с криками, ругательствами и потасовками. Тревога нарастала по мере увеличения толпы. Потом речь закончилась, появился дяденька, стал говорить и распоряжаться. Люди вокруг еще сильнее зарыдали и разволновались. Толпа теснилась, продвигаясь к оратору, и меня чуть не затоптали. Бабушка взяла меня на руки, стала выбираться из толчеи. Какой-то мужчина посадил к себе на плечи, я увидел, что людей много, а плачут только женщины. Немногочисленные мужчины молчат с суровыми лицами. Дома я спросил, почему все плакали. Бабушка сказала, что умер вождь, и показала на портрет красивого усатого дядьки, похожего на соседа – шахтера, которого звали Давид. Он всегда приходил с работы черный и страшный, потом долго фыркал в общем душе под ругань жильцов и выходил оттуда красивый и веселый, протирая полотенцем толстые усы. Еще она сказала, что теперь будет война, и заплакала. В это время в армии служил ее сын, мой дядя и отец Таньки, и зять, Томкин отец. Своего отца я не знал, а матери наши все были на работе, моя и Танькина на шахте, а Томкина в больнице, она работала фельдшером.

Я обрадовался, хотел идти воевать, чтобы уехать от надоевших сестреноч, которых меня обязали опекать, и за которых частенько попадало. Стал тут же собираться, но бабушка, смеясь сквозь слезы, сказала, что войну еще не объявили и повестку не прислали, придется подождать. Ждать я не любил, но смирился.

С работы пришли наши мамы, снова все поплакали, потом успокоились, только прабабка, крутилась по комнате и спрашивала, кто помер. Ей объясняли, она кивала головой, прикладывала уголки платка к глазам, потом снова спрашивала. Весь этот день говорили только о том, что теперь будет, и до нас никому не было дела. Мы играли в «смерть вождя», заканчивалось войной, а я был главным героем, для чего нарисовал себе сажей из печки усы.

В этот вечер даже соседские мужчины пришли с работы трезвые, никто не кричал и не пугал нас. За столом взрослые стали обсуждать случившееся, а потом вдруг все замолчали и тут старенькая бабушка, в полной тишине возвестила, показывая на портрет на стене:

– А вы знаете? Вот этот мужик-то, он ить, помер!

Взрослые рассмеялись. Потом бабушка, спохватившись, прикрикнула:

– Тише, дуры! Сталин помер, а вы смеетесь. Хотите, чтоб написали?

Все замолчали. Я не понимал, что так их испугало. Откуда мне было знать, что это семья осужденного и сгинувшего перед войной военного, выжившая, только потому, что удалось скрываться в леспромхозах и рудниках. А дощатые перегородки барака пропускали все звуки. Освободившуюся от многочисленных, расплодившихся жильцов комнатенку мог получить любой из доносчиков.

На следующее утро войну еще не объявили; нас одели и отправили на улицу гулять, наказав мне при этом, чтобы смотрел за девчонками, а то влетит, как следует. Мне это наказывали каждый день, и почти каждый день влетало. То за толстую Томку, которая была младше меня на восемь месяцев и не всегда слушалась. Приходилось бить. То за трехлетнюю Таньку, от которой мы убегали, заигравшись. Ее приводили домой взрослые, и тогда бабушка наказывала меня. Все справедливо, ведь в семье, кроме меня мужчин не было. Даже когда не было угля для печки, мне пеняли, что я не заготовил. Тогда я ревел, возмущенный невыполнимостью задачи, под хохот взрослых:

– Нахрена мне ваш уголь!

Мама успокаивала, говорила, что придут из армии дядя Женя и дядя Саша, тогда я с ними и заготовлю. А сейчас все шутят. И что я зря от соседей плохих слов набираюсь и торчу там, когда они «гуляют». Но меня тянуло к чужим мужчинам, своих то я не помнил.

Они возникли в нашей жизни как-то одновременно. Красивые, большие, сильные, долго ходившие в солдатской одежде. Мы ими гордились. Весь барак стал нас уважать, а соседские пьяницы присмирели. Оба веселые, не делящие детей на своих и чужих. Теперь я больше ездил на их плечах или мне так запомнилось от мальчишеского тщеславия. Оба пошли работать в шахту. Ходили все время вдвоем, пока к ним не присоединился вдруг появившийся у меня папа, тоже в форме, да еще и с медалью за освобождение Китая, которую давал мне поносить. Он тоже работал в шахте. По вечерам они иногда выпивали, бабушка ворчала, а они смеялись. Ругала их за пенсию старенькой бабушки, которую той приносили, а она забывала, куда ее положила. Бабушка подозревала, что сын или зять выманивали пенсию, их выпивки часто возникали после ее пропажи.

Жили в тесноте, в семье с детьми было двенадцать человек. По сути, в одной комнате жили четыре семьи. Считалось, что это временно. Из мебели две кровати, сундук и стол. На кроватях спали бабушка и Галя – младшая тетка, на сундуке прабабушка. Остальные на полу. Вечером постель стелили, утром убирали.

После ужина взрослые уходили, вероятно, из-за тесноты и приходили только спать. В теплое время года все жители барака были во дворе. Турник, домино, карты, лото, скакалки, лапта. Там же чаепития, выпивка, иногда драки и разборки. С появлением мужчин ушла тревога, нас уже не трогали посторонние, мы не боялись ходить по двору и улице. Поселок Букачача маленький, все друг друга знают, детей излишне не опекали.

Как-то летом мне дали денег и разрешили купить квас в киоске через дорогу. Пошли втроем. Купили квас, сладкий и шипучий, не утерпели и выпили его за стенкой киоска, пристроившись под лучами ласкового весеннего солнышка. Танька первая стала как-то смешно разговаривать. Ей было уже три года, но она вдруг стала забывать слова. Потом посреди веселья легла на землю и уснула. Возле нее пристроилась разомлевшая Томка. Мне было весело, я не мог их растолкать и пошел звать взрослых. Во дворе присел на скамейку и тоже уснул. Меня нашли и разбудили взрослые, спросили, где девочки. Я сквозь сон сказал, что они спят возле киоска. Это надолго стало веселой притчей в семье. Продавщица продала нам старый забродивший квас. Так мы нечаянно впервые в жизни отведали взрослых радостей.

Вечерами нам читали сказки, разучивали сценки. У женщин других развлечений не было, занимались нами. Все, начиная с бабушки, освоившей грамоту в ликбезе, увлекались чтением. Хвастались добытыми напрокат книгами, передавали друг другу, берегли. Нам читали вслух, заставляя разучивать наизусть стихи. У меня была хорошая память, потом рассказывал сказки и стишки своим подопечным. Как-то получилось, что сам начал читать после того, как школьница тетка показала буквы. В заголовках газет находил ошибки. Например, в слове «США» пропущена буква «а». Доказывал, что это имя «Саша». Тетка увлеклась, принесла сказки, я по слогам стал читать их сестренкам. Все сказки мне очень нравились, но некоторые персонажи впечатлили особенно, чем пользовались взрослые для моего укрощения. Например, меня почему-то пугал одноглазый разбойник из «Али-Бабы».

Зимой общественная жизнь протекала в коридоре. Двери многих комнат не закрывались, можно было подсмотреть, что происходит у соседей. Даже поучаствовать. Однажды мне попало от бабушки за старенькую соседку. У них в комнате висела единственная икона на весь барак. Кроме их бабушки никто не молился. Зато над ней все подсмеивались, награждая нелестными эпитетами. Поэтому мы усвоили, что молитва занятие недостойное и смешное. Я подсмотрел в открытую дверь, как она молится, и когда та встала на колени и стала бить поклоны, с разбегу запрыгнул ей на спину. Не ожидавшая в молитвенном экстазе такого святотатства, старушка упала, я перелетел через ее голову и убежал. Бабушка, хоть и смеялась, как и все, мне всыпала так, что я это развлечение оставил навсегда.

Нас решили отдать в детский сад. Я в нем пробыл до обеда. Видимо, в садике была одна группа. При мне воспитательница стала ругать Таню, а я, привыкший их защищать, набросился на нее с кулаками. За это был «посажен на стул» – страшно унижительное наказание. Убежал из садика домой и наотрез отказался от этого учреждения.

Жили мы возле инфекционного отделения больницы. Очень интересное место с дырой в заборе, через которую тетя Тося ходила на работу. Я водил туда Томку и Таньку. Место для детских игр было неподходящим, но очень привлекательным. Отучить удалось с помощью больного, который перевязал глаз и с искаженным лицом зарычал на меня при очередной попытке проникнуть на территорию больницы. Помню, что он мне долго снился со своими сорока приятелями. Я вскакивал по ночам, а бабушка ругала тетю Тосю.

ГЛАВА 2. И НОСИЛО МЕНЯ

Семейство задумало переезжать в Читу, откуда все были родом. Перед войной пришлось бросить родной город и скитаться по чужим углам.

Дед наш, Василий, был из беспризорников. Остался без родителей, сосланных, как говорили, из Польши на каторгу в царские времена и сгинувших в безвременье. Может быть, красивая легенда. Откуда в Польше исконно сибирская фамилия? В четырнадцать лет в девятнадцатом году прибился к красным партизанам и провоевал до конца Гражданской, закончившейся на востоке страны в двадцать третьем году. К этому времени восемнадцатилетний парень уже был заслуженным, неоднократно награжденным за храбрость, бойцом. К тому же успел освоить грамоту. Его направили на курсы красных командиров. Повоевал под началом Блюхера, стал делать карьеру. Женился на бабушке Нине Яковлевне, неграмотной, наверставшей этот пробел в ликбезе. Она так пристрастилась к чтению, что привила эту любовь всем детям и внукам, которым пришлось с ней пожить. Я так и помню ее с книжкой в руках вместо привычного вязанья у других старушек. Она единственная кто никогда не ругал нас за чтение.

В каком-то из тридцать проклятых годов деда забрали и осудили. Было это в Иркутской области. В части, где он служил начальником штаба, сгорел дом офицерских служащих. Командование части было арестовано. Говорят, всех расстреляли, кроме деда, которого спасли награды и заслуги в Гражданской войне. Может быть, хотя тогда награды и наркомов не спасали. Кто-то из его сослуживцев, рискуя собой и семьей, посоветовал бабушке уехать из области, т.к. дело местного масштаба и разыскивать не будут. И поехала почти генеральша с тремя детьми в Читинскую область в глухую деревню Дровяная в леспромхоз. В Читу, откуда была родом, ехать побоялась. Попали туда после войны уже с Галей, которая появилась на свет от второго замужества, о котором мы ничего не знаем, старшие не вспоминали.

Так и скитались, особенно дядя Женя. Он убежал из дому и бродяжил всю войну, появляясь изредка завшивленный и потрепанный, чтобы оправиться от беспризорной жизни, потом исчезал снова и в следующий раз мог появиться разодетым франтом с подарками и деньгами. Деньги быстро кончались, он снова исчезал.

О его приключениях еще долго рассказывали родственники. Мне запомнился случай из жизни шпаны военных и послевоенных лет. Рассказывался он с явной симпатией к героям, занимавшимся мелкими кражами, а при случае и грабежами на поездах. Как-то выследили они на вокзале розовощекого кругленького «барыгу» с объемным мешком, явно, ценного добра. Запрыгнули на ходу вечером в тамбур. Проследили куда он сел. Света в теплушке не было. Решили дожидаться ночи, и на знакомом им перегоне, когда поезд замедляет ход, вырвать мешок и прыгать. Роли были расписаны. Кто стоит на дверях тамбура, чтоб открыть, кто рвет мешок, кто мешает преследователям. Дождались, пока все пассажиры уснули, собрались в тамбуре, шепотом посоветались. Публика была такая, что их обходили стороной, держась за карманы. Милиции на дороге было мало, да и та не очень расторопная, нормальных мужиков давно забрали на фронт. Зато она имела право стрелять сразу на поражение. Так что игра была опасной. Выяснилось, что барыга, за годы промысла выработавший чутье, видимо заподозрил неладное и мешок привязал к себе, сорвать его не удастся. А намеченный перегон приближается, надо торопиться. На ощупь определили, что мешок тугой и мягкий. Так часто маскировали сало. Замотают в газету, потом уложат в мешок, туго набивают его мукой, чтобы не прощупывалось. Рецепт на такие случаи был простой. Бралась опасная бритва, два пальца незаметно накладывались на мешок, и бритва между ними глубоко прорезала ткань, так чтобы сало вывалилось. Подхватывали добычу и убегали. Утром незадачливый коммерсант просыпался в обнимку с пустым мешком, а мука разносилась по всему вагону ногами пассажиров.

Полуголодные пассажиры теплушек таким пострадавшим не сочувствовали, даже злорадствовали.

В этот раз резать мешок выпало дяде, как самому опытному. Было ему уже пятнадцать, стаж бродяжничества года три. Прокрался к объекту, привалился, будто спящий сосед, который просто сменил позу. Наложил на мешок руку и полоснул бритвой. В следующее мгновение какая-то невероятная сила отшвырнула его в сторону. Одновременно раздался душераздирающий рев. Вся банда сыпанула под откос.

Когда собрались после эвакуации и поделились впечатлениями, выяснилось, что барыга для пушей сохранности повернулся и лег на мешок. А дядька нащупал в темноте его пухлый зад.

К двадцати годам не имел документов, зато обзавелся прошлым, которое светлого будущего не сулило. Тогда он пошел на очередную авантюру. Выкрал мое свидетельство о рождении, исправил в нем дату рождения и в соответствии с ней, поехал в шестнадцать лет из Букачачи, где семья к тому времени оказалась, в районный центр поселок Чернышевский, получать паспорт. Переночевав на вокзале в привычных условиях, небритый и помятый он сунул голову в окошко паспортного стола, немало удивив сотрудницу:

– Ого! Вот это юноша! Каким же ты в двадцать лет будешь?

Дядя, которому как раз двадцать и было, прикинулся деревенским дурачком и засмутился. В свое время ушел в армию, отслужил. Так и жил с опозданием в четыре года. Привычки свои не утратил и потом. Мне было восемнадцать, когда он попросил у меня ружье пострелять и пропил его. Когда я служил в армии, он наведлся в гости к своим сестрам. Приехав, я не обнаружил своего единственного приличного костюма. Среди родственников все ему сходило с рук, списывалось на тяжелое детство.

В Читу поехали не все. Родители Тома и Тани остались. Бабушка с Галей и наша семья переехали. Стали приспосабливаться к новой жизни. Помню, что сначала было очень весело, поселились в доме родственников. Семья была многодетная. Глава, дядя Степа, брат бабушки, высокий слепой и немногословный старик, которого водили по очереди подрастающие сыновья, все как один в детстве отчаянные хулиганы, а потом горькие пьяницы. Билась со всем этим семейством его жена тетя Катя, никогда не сидевшая праздну, всегда в хлопотах по хозяйству на огороде и за козами, чем и жила семья. Крупная рыхлая и добрая. Даже меня успевала приласкать и погладить по голове, чего так не хватало ребенку, у родителей которого в хлопотах по обустройству на новом месте времени не было. Часто плакала. Потом я узнал, что она вспоминала своих погибших на войне сыновей и братьев.

Запомнился рассказ матери о молодости тети Кати и дяди Степы. Жили в одном селе, тетя Катя была статной красавицей, дочерью местного купца, по деревенским меркам зажиточного. Степка, сын многодетного бедняка, вздорного и задиристого, не почитающего сельских богатеев, верховодящих на всех сходах и навязывающих свои решения бедноте.

Родители категорически возражали, когда заметили симпатии молодых людей друг к другу. Купец не хотел опускаться до такой родни, а отец Степана не желал родниться с заносчивым односельчанином.

Все это пришлось на лихую пору гражданской войны. Когда семеновцы в восемнадцатом году погнали красных, куда успел попасть Степан, всем уцелевшим пришлось уходить в леса и там отсиживаться, делая вылазки в зависимости от обстановки и активности командиров. Многие просто спасались.

Командир Степана, легендарный Погодаев, отсиживаться не любил, объявил свой отряд коммуной и увеличивал его за счет убежавших от зверств семеновцев жителей. Однажды, планируя очередную вылазку, Погодаев отправил группу партизан на разведку в родное село Степана. Как знающий местность и людей в группе был включен и Степан. Им не повезло, дозор

ные обнаружили группу на подходе и обстреляли. В темноте партизаны разбежались, при этом растеряв друг друга. Зимой не очень-то побегаешь, поэтому Степан ушел на заимку купца и прожил в ней впроголодь с неделю. Стрелять нельзя, ловил в силки рябчиков. Потом для какой-то надобности там появилась тетя Катя, прямо как в «Даурии» К. Седых. Так периодически снабжавшийся провизией дядя Степа прожил с месяц и потом ушел к партизанам уже развернувшими настоящим фронт, в итоге прогнавший семеновцев. Красные, заняв села, начали мстить и освобождать их от приспешников атамана. Под горячую руку попадали все, кого можно было заподозрить в пристрастии к врагу или объявить чуждым элементом. В число первых попадали зажиточные. Так и семья купца не смогла бы уцелеть, не заступись за нее заслуженный к тому времени партизан, наш дядя Степа обязанный этой семье жизнью.

С тех пор прошло тридцать лет и худой высокий дядя Степа, передвигавшийся с помощью сыновей, ничем не напоминал геройского партизана. С детьми не повезло. Средний Вовка, когда ему выпадала очередь водить отца, запросто мог завести в незнакомое место и убежать. После того, как направил его в выгребную яму общественного туалета, был освобожден от этой обязанности.

ГЛАВА 3. ОТДЕЛЬНЫЕ НОГИ

Через некоторое время мы переехали к родителям моего нового папы. Ярких впечатлений я там не получил. Детей в семье не было. Зато была бабушка, которая не отпускала от себя и следила за каждым моим шагом, что мне, непривычному к излишней опеке не нравилось. Была еще младшая сестра отчима Галя, которая незамедлительно занялась моим воспитанием, продолжив дело первой моей тети Гали. Они были ровесницами, так что эстафета была подхвачена удачно, и пробелов в постижении грамоты у меня не оказалось.

Жили мы здесь недолго. Запомнилось, что по утрам бабушка и дед, шепотом шушукаясь, заглядывали ко мне за занавеску, которой была отделена наша кровать, убеждались, что я сплю, потом дед начинал одеваться. Однажды я притворился и увидел такое, что поразило меня не меньше чем Али-баба. У деда ноги отстегивались! Они отдыхали прямо в унтах отдельно от него под кроватью, и он их утром пристегивал на место. Я долго размышлял над этим, потом решил, что это для удобства. Сам я тоже не любил одеваться и обуваться. Родителям вопросы задавать не стал, понимая по поведению стариков, что это надо скрывать. Долго гадал, как деду удастся эта хитрость, пробовал отстегивать свои ноги, но у меня ничего не получилось. Они долго прятали от меня протезы, одергивая друг друга: «Тише стучи, ребенка напугаешь!», – когда укладывали их под кровать.

Перестали таиться, после того как не нашли протезы на месте. Долго ругались, обвиняя один другого, что после вчерашней «гулянки» закинули ноги не на место. Все это украдкой, боясь, как бы я не наткнулся на протезы, и не хватил бы меня «родимчик». Тайком выглядывая из-под одеяла, ждал, как же теперь дед будет ходить без протезов, которые сам я и спрятал перед этим из любопытства. Деду было около пятидесяти лет, не имея обеих ног, он ходил с тростью так, что я за ним не успевал, а увеселившись, еще и пытался плясать. Работал сторожем в угольном разрезе, куда мы с бабушкой приносили ему обед и увозили домой тачку угля, который как инвалиду ему разрешали рубить кайлом для отопления. Я сидел наверху угольной кучи на зависть встречным мальчишкам.

Когда уже был взрослым, дед открыл мне свою тайну и многое другое из своей непростой жизни.

Уроженец таежной деревушки, ни дня не ходил в школу, так и не научился читать до конца жизни. В тридцать втором году, когда ему было двадцать семь лет, чуть ли не впервые выбрался из тайги и устроился помощником оператора котельной на Черновскую электростанцию, первую очередь которой только что запустили. Если проще, то оператор котельной это старший кочегар. Его помощник как обладатель недюжинного здоровья, «стоял на лопате», топливом служил уголь. По воле судьбы начальником деда, старшим оператором был дед моей будущей жены Пушкарев Василий. Дед его боготворил, что подтвердил впоследствии своей готовностью пожертвовать за него здоровьем и жизнью.

В тридцать седьмом году начальника арестовали. Через некоторое время арестовали и деда. Из него побоями выбивали признание, что он под руководством своего старшего товарища помогал кому-то из руководства электростанции, подготовить ее взрыв. Допросы проводились примерно по одной схеме. Сначала уговаривали, потом били. При потере сознания отливали водой и снова били. Когда уже было невмоготу, дед признавался и следователь писал протокол. Дед тянул время, прикидываясь дурачком, для отсрочки побоев. Потом отказывался подписывать по неграмотности. Мало ли что вы там написали. Его снова били до бесчувствия и бросали. Так было несколько раз. При смене наркома, многих из тех, кого не успели осудить, и кто не подписал признательных показаний просто повышвыривали из тюрем. Дед Пушкарев

тоже ни в чем не признался. Его полтора года калечили, на свободу вышел без зубов, с переломанными ребрами и отбитыми внутренностями, здоровье так и не восстановилось.

А наш дед, выйдя на свободу из Ингодинской тюрьмы, получил на автобусный билет монету в порядке компенсации за ошибку «органов».

– Вышел я, Володя, на улицу, смотрю, стоит «гайка» (так назывались рюмочные за шестигранную форму киоска), дай, думаю после такого выпью, а до дома как-нибудь доберусь. Хватило на стакан красного. Выпил, а встать не могу. И вот тут заплакал. Сколько меня мордовали и запугивали, я только злился, но, ни разу не плакал. А тут заплакал.

– А что это ты заплакал?

– Так испугался. Я ведь раньше ковшами пил. Хвачу ковш самогона или спирта и иду подвиги искать. Здоровый был, смену возле топки без перекуров выстаивал. А тут от стакана красного ноги отнялись. Что же, думаю, гады, вы со мной сделали? Я от красных петлиц еще долго вздрагивал и обходил их десятой дорогой.

Дед до войны так и работал на электростанции. Призвали его в тридцать шесть лет. Попал в противотанковую артиллерию ездовым. Под Ленинградом получил тяжелые ранения, ноги оказались нафаршированы осколками. Три года провел в госпиталях, ноги укорачивали ломтями, домой не писал. Поначалу пробовал, но ответов не было, и он перестал. Когда вернулся домой на культяпках чуть ниже колен, узнал, что жена его спилась, ушла неизвестно куда, а четырехлетняя дочка, которая родилась без него, живет у чужих людей. Забрал дочь, стали жить вдвоем. Потом сошлись с бабушкой, взрослые дети ее уже разъехались, так и жили до конца своих дней.

Дед и после поражал своим упрямством и преданностью идеалам молодости. Спустя много лет, в шестидесятые после разоблачения культа личности, стали сносить памятники Сталину. В Красном уголке, как назывался клуб, на втором этаже стоял большой гипсовый бюст Сталина. Его уничтожить не успели. Никто не мог понять, куда он исчез. И много лет спустя, когда в семидесятые годы, стало модно возить на лобовых стеклах автомобилей портреты Сталина, а приверженцы открыто призывать к его методам наведения порядка в стране, я пришел в гости к деду. В переднем углу на тумбочке стоял роскошный бюст генералиссимуса, выселив единственную дорогую вещь в доме – телевизор, на подоконник. Одно ухо у него отличалось по форме и цвету. Оно было случайно повреждено, когда дед десять лет назад ночью тайком выкрал его и спрятал у себя дома.

Человек, которого под мудрым руководством вождя мордовали ни за что в подвалах, потерявший ноги на войне и не получивший достойной пенсии, подрабатывающий физическим трудом, чтоб прокормиться, в шестьдесят лет, будучи инвалидом первой группы, не побоялся рисковать, испытав на своей шкуре как власть поступает с неугодными. А восстановление уха с учетом риска он оплатил оформителю какого-то предприятия половиной своей скромной пенсии.

Здесь мы прожили до весны. А на следующий год было объявлено о грандиозных планах освоения целинных земель и призывах к населению на эти планы откликнуться. Мои родители откликнулись одними из первых. Отчим окончил курсы трактористов, получил направление, и мы отправились, полные энтузиазма и решимости осчастливить еще не отъевшееся после войны население страны полными закромами. Взрослых очередные перемены тревожили. Но не меня, за последний год своей жизни сменившего несколько мест проживания.

ГЛАВА 4. НАМ НЕТ ПРЕГРАД

На целину мы попали в самом начале. Приехали втроем – мама, папа и я. Правда, папа не настоящий, но кроме них никто этого не знал. Мне год назад сказали, что он пришел из армии, будет жить с нами и надо звать его папой. Я обрадовался и не возражал. У двоюродных сестреноч были папы, а у меня не было.

Вероятно, гиря на ногах в моем лице не давала широко шагнуть, и решено было отправиться не в героический Казахстан, где первые поселенцы жили в палатках, а в более скромные собственные степи Забайкалья.

В здешних степях могла бы разместиться половина европейских держав, но для нашей великой Родины это была такая мелочь, что об этой целине я не встречал ни одной публикации, хотя подвигов там было немало и, без иронии, самоотверженных. Например, в нашем совхозе стоял сгоревший трактор С-80. На нем кавказский тракторист по имени Оскар, погиб, опаживая отару овец, спасая ее от огня. Что такое целина мне не объяснили, поэтому важностью момента проникнуться я не мог, но предстоящие приключения, которыми любой переезд просто обязан сопровождаться, очень возбуждали.

Итак – в путь!

Раздобыли какую-то тележонку, покидали на нее скарб, простились с родственниками и поехали на станцию, все пешком, я верхом на узлах, понукая лошаденку. Сзади прыгали соседские мальчишки, жутко мне завидуя. Провожал нас дядя Вася, рыжий как огонь и веселый. Все пугал меня, что я свалюсь и останусь. Это он недавно катал меня на раме велосипеда и неудачно. Моя нога попала в спицы колеса, мы упали. При этом я поранил пятку, в рану попали крупный песок и мелкие камешки. Промыли, залили зеленкой, перевязали. Последние камни, которые остались внутри я выковыривал из-под кожи, уже служа в армии.

Как добирались – в памяти не отложилось. А жаль, весна, двести километров полного бездорожья от последней железнодорожной станции Борзя, должны были впечатлить.

Ну да ладно, приехали в Быркинский район (центр село Бырка в сорока километрах от китайской границы), затем в совхоз в пятидесяти километрах от райцентра, потом в отделение (в просторечии 3-я ферма) еще пятнадцать километров от центральной усадьбы совхоза (так и называлась «Центральная», название села – Бутунтай).

Автомашин на той целине не было, значит на телегах, т.е. взрослые пешком.

Выгрузили возле управления, которое звали исключительно «Конторой», и тотчас собралась толпа смешно и громко говорящих, без стеснения разглядывающих нас, а то и пытавшихся пощупать, людей, одетых очень по разному: от модных тогда шаровар и платьев под Любовь Орлову до замызганных телогреек и брезентовых штанов спецодежды.

Подошел управляющий («управ»). Скуластый, плечистый дядька с раскосыми, как у большинства собравшихся здесь людей, глазами. Зычным голосом пустил всех по матушке, и толпа быстро повиновалась.

«Принесло вас на мою голову, куды ж девать?».

После недолгих раздумий приказано было позвать «Каргиху». Пришла женщина лет 40, махнула рукой в направлении своего дома: «Пошли, хозяин с отары приедет, с управом сам разберется».

Так мы оказались на целине. Вообще-то это был овцеводческий совхоз, но степей в нем было столько, что часть пастбищ решили отдать под целину. Раньше хлебопашеством здесь никто не занимался, так что мои родители из шахтеров превратились в, пока единственных, целинников.

Отчим тракторист, мать продавщица на радость всем, т.к. до нее грамотных и способных к этой работе не находилось. Ну а я стал вольношатающимся к великому осуждению селян.

В таком возрасте болтаться без работы считалось очень неприличным. У всех сверстников были обязанности по хозяйству, главным образом, уход за скотиной или работа в совхозе. Скотины у нас, понятно, пока не было, а на работу меня родители не пускали. У них были об этом свои, городские, представления. Да и не взяли бы местные по причине полной моей непригодности и безответственности. Оно и понятно. На сакман, ягнят пасти не отправишь, не углядит и своих с чужими перепутает. На волокушу сено возить – на лошади не умеет ездить.

Любой род занятий сопряжен с навыками, привитыми ребятишкам с младенчества. Презрению этих тружеников не было границ.

Поселили нас, пока строился наш дом, у Каргиных на квартире. Дома там у всех были на один лад, внутри одна комната, поделенная русской печью на две части – спальную вповалку и подобие кухни. Отличались только размерами. Отопление дровами, освещение керосиновой лампой. У всех самовары, примусы, керосинки. У родителей кровати, у детей топчаны. Старики и маленькие дети на печке. У Каргиных было трое сыновей и одна дочь. Отец и двое старших сыновей дома появлялись редко, жили на отаре. Младший, Гошка, был меня на два года старше, но в семье считался маленьким и ему все угождали. Дом утром просыпался от его истошного с надрывом вопля: –«Слиииивааааку!». Это он, еще не открыв глаза, требовал сливки. Мать с кружкой бежала к нему на печь. Потом пили чай и он, как и все, шел заниматься хозяйством или на работу. Семья считалась зажиточной. Они первые купили мотоцикл и веселили им всю деревню. Старый Каргин был патологически жаден. У него под замком в кладовой (по местному «казенке») висело на шпалерах сало. Свины забивались каждый год и старому желтому салу, лет было не меньше, чем Гошке. Но старик, приезжая раз в неделю на выходные, выделял именно старые запасы, а свежее сало оставалось желтеть. С мотоциклом то же самое. Купил, а сам ездить не может, потому, что инвалид. Взрослым сыновьям не дает, жалко. Но они приспособились, укатывали вечером мотоцикл из сарая за деревню, уже там заводили, чтоб родители не услышали и до утра катались с девочками. Когда мы у них поселились, парней чуть не сдал мой отчим. Старик попросил его как механизатора посмотреть мотоцикл, т.к. его за два года ни разу не заводили после покупки. Тот глянул и говорит:

- Отец, тебя надурили, мотоцикл с пробегом продали.
- Как так, он же в упаковке был?

Тут отчим увидел встревоженные, мягко выражаясь, лица сыновей и быстро нашел выход. Выяснил у старика, что мотоцикл стоит на подножке с поднятым передним колесом и объявил, что через щели в сарае ветер крутит колесо и наматывает пробег на спидометре. Колесо поставили на землю, неприятность устранили, а парни уцелели. Старший сын, Геннадий, иногда устраивал акты неповиновения. Запомнился один, перед его уходом в армию. Пришла повестка, а отцу вдруг захотелось его женить, льготы или еще что-то можно было выхлопотать. Объявил об этом сыну и, не слушая его возражений, поехал в соседнее село Манкечур сватать невесту, которую сыновья в глаза не видели. Сосватал, объявил день свадьбы, пригласил гостей. Геннадий возражает, а приготовления идут своим чередом. Выполняются все положенные ритуалы, назначаются ведущие, дружки, кто там еще. В день свадьбы все наготове, ждут сватов с невестой и новой родней. Тут вдруг Санька, второй сын, который на 2 года младше жениха, приходит и говорит, что Генка сбежал куда-то и до ухода в армию не появится. Позор полбеда, а затраты какие! Старик нашел выход: поняв, что Генку не достать, а сваты подъезжают, заставил жениться семнадцатилетнего Саньку. И ничего, нормальная семья получилась.

ГЛАВА 5. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Козел был большой, бородатый и страшный. Он уперся мне в голый живот метровыми перекрещенными рогами и противно мекая, выдавливал из него жизнь, взамен наполняя ужасом. На заборе бесновались мои новые друзья, восхищенными возгласами выражая восторг. Я орал так, что заглушил все звуки и опомнился, когда в загон влетела какая-то тетка с ведром в руке, которым стала охаживать моего рогатого обидчика, разбрызгивая во все стороны молоко из подойника. Тот бросил меня и напал на тетку. Я, обезумев от страха и боли, пытался залезть на высокий забор в поисках спасения. Женщина, свалив козла на землю и надавав ему пинков в бока кирзовыми сапогами, взяла меня за руку и вывела через калитку, пятась задом и отмахиваясь ведром от не желавшего оставаться в долгу хозяина загона.

А так интересно все начиналось. Переезд в деревню мои ожидания оправдал в полной мере и даже больше. Я и раньше не был чрезмерно опекаемым, но все же за нами присматривали то бабушка, то родители. Здесь бабушек не было, а родители, сразу впряженные в работу с непривычно безразмерным рабочим днем, и хотели бы принять участие в моей адаптации, но возможности не имели. Робкие попытки матери напомнить о существовании ребенка вызывали у селян смех. Одного ребенка они обременением не считали, у них по три-пять, без призора бегало. Побежал и я, ошалев от неожиданно свалившейся на меня свободы.

Наставником по ускоренному вживанию в сельскую жизнь, конечно, оказался сын наших временных хозяев, Гошка. Наш дом был достроен месяца через три и к этому времени я прошел «курс молодого бойца» под его руководством и активном участии многочисленных помощников.

Первый этап на новом месте, естественно, ознакомление. На следующий день мама взяла меня на работу в магазин, куда ее назначили немедленно, так как он не работал уже с полгода. Продавщица ушла в декретный отпуск без намерения возвращаться назад. Оповещенное об открытии магазина незанятое население, а это старухи и дети, с утра в полном составе заявились в магазин. Все захотели познакомиться с новыми односельчанами и принять живейшее участие в их судьбе. Было очень интересно. Все на «ты». Имена, по которым обращались друг к другу необычные. Очень редко можно было услышать «Сергеевна» или «Матвеевна», в основном это были Юльки, Тоськи, Маньки и Катьки. Еще Каргиха, Швалиха, Кузнечиха, Фартусиха и т. п. По имени и отчеству прозывалась только учительница Валентина Семеновна Колесникова. Даже управляющего звали либо «управ» либо Иннокентий или Гурбатов. Общение мало отличалось от того, к которому я привык, живя в шахтерском бараке, да и людей в деревне не больше.

Еще мне пришлось привыкать к новому языку. В Букачаче и Черновских, где я до этого жил, по-гурански не говорили. Здесь же над моей речью смеялись. Сверстники не понимали, а те, что постарше, передразнивали, говоря, что я выделываюсь – «выбражаю». Так что я быстро освоил местное наречие, потешая домашних. Особенно тщательно приходилось следить за окончаниями, чтобы ненароком не оконфузиться, сказав, например, «гуляем» вместо правильного «гулям».

Добровольные помощники открыли без всяких церемоний склад и стали расставлять товар на полки. Увидев тревогу продавщицы, успокоили тем, что у них не принято зариться на чужое. Это правда. Можно было оставить любую вещь в любом месте, она все равно находила хозяина. Запоры имелись только от животных. Тащили корма с коровников из совхозного хозяйства, но это не воровство, а культурный элемент образа жизни.

Пока разобрались с промтоварами, подоспела автолавка с продуктами. Холодильников не было, посему скоропортящегося товара тоже. Завезли крупы, табак, чай, конфеты, пряники и, в нагрузку, сыр. Сыр был одной большой головкой, килограммов на пять. Его никто

не ел, недоумевали, зачем возят это вонючее «мыло». Исключение составляли мы и деревенский дурачок, не помню его имени. А нормальные люди имели своих коров и питались свежими продуктами. То, что мы с дурачком не съедали, потом списывалось по акту.

Попутно все интересовались городской жизнью. Многие от роду не выезжали за пределы совхоза, им в диковину были железная дорога, электричество и многоэтажные дома.

Детям вскоре все надоело, и они побежали играть, пригласив меня с собой. Пытавшуюся задержать меня маму, бабы подняли на смех, уверяя, что у них с детьми ничего не случается, а старшие присматривают за младшими. Гошка был на два года старше меня, да еще и хозяйский сын, ему я и был поручен.

Доверие он начал оправдывать сразу. Побежали к стайкам, там сейчас не было никого и можно было без помех разорять воробьиные гнезда. Делалось это очень просто. Забирались под крышу, доставали из гнезд голых и слепых птенцов. То, что делалось после, меня шокировало. Брали птенца за голову между указательным и средним пальцами, и энергично трянув рукой, отрывали тушку. Жалость воспринималась как слабость, я это быстро усвоил, сразу подражать не отважился, но делал вид, что мне все нипочем. В шесть лет человек обязан быть героем, чтоб не получить дурную репутацию. И без этого у меня уже была обидная кличка – «городской». Кстати, я от нее быстро избавился, загорев и исцарапавшись за неделю, ничем не выделяясь в этой полуразбойной шайке.

Сельские дети, которые растут без присмотра, вырабатывают в себе навыки охотников и добытчиков. А здесь не место сентиментальности.

Потом пошли выливать сусликов, по-местному «чумбурушек». Сразу за деревней в степи их было бесчисленное множество. Они стояли столбиками на холмиках и пересвистывались. Когда мы подходили близко, то по сигналу прятались в норах. Каждый холмик был «бутаном», т.е. общежитием, состоящим из множества ходов к внутренним камерам и гнездам. Устройство их изучалось посредством откапывания. Когда суслику было некуда деваться, он выскакивал и пытался убежать. Как правило, неудачно. Ближайшие ходы нами перекрывались, а на открытом пространстве у него шансов не оставалось. Зверька быстро забивали камнями и палками. Шкурку потом старшие сдавали за несколько копеек в «Заготконттору». Но нам интересен сам процесс, увлекательный и азартный. Это мне понравилось гораздо больше, чем уничтожать беспомощных птенцов. Хотя мне объяснили, что и воробьи и суслики одинаково вредны для человека.

Иногда в норах обнаруживались птичьи гнезда, которые тоже безжалостно уничтожались. Это трясогузки, по-местному имевшие совсем нецензурное название, выселяли сусликов и устраивали свое жилище.

Потом пришел Витька Русаков, он был старше нас, лет десяти. Сразу забраковал наш бестолковый и малоэффективный способ охоты и взял организацию добычи пушнины в свои руки. По его команде все разбежались по домам, чтобы вернуться с ведрами полными воды. Эту воду заливали разом в одну нору, а за другими следили. Через некоторое время из одних выливалась вода, а из других выскакивали мокрые, уменьшившиеся вдвое, ставшие некрасивыми, грызуны. Спрятаться им было негде, они становились нашей добычей.

Когда это занятие надоело, солнце уже было в зените, наступила жара. Все побросали ведра и побежали купаться на речку. Звали ее Шароварихой, иногда Переплюевкой. В любом месте ее можно перейти вброд, лишь искусственный, сделанный бульдозером прудик именованный «купальней», был метров пять шириной и полтора глубиной.

К этой купальне и устремилась с пригорка вся ватага, на ходу снимая с себя единственную одежду, трусы. Попрыгали в воду, и шустро перебирая руками по-собачьи, устремились на другой берег.

И тут обнаружился мой изъян. Я не умел плавать, что вызвало удивление и презрение новых товарищей. К тому же стеснялся и не снимал трусы. Эти позорные факты чуть не сделали меня изгоем. Но спас случай.

К речке подошли два парня, они отмечали демобилизацию из армии друга и были навеселе. Узнав причину смеха над новеньким, немедленно решили исправить это недоразумение, пообещав научить плавать. Взяли меня, несмотря на протесты, за ноги и руки, раскачали и забросили на середину купальни. Я погрузился с головой, когда вынырнул, увидел, что мои «учителя» преспокойно уходят от берега в сторону деревни. Как-то само собой получилось, что я поплыл. Потом попробовал самостоятельно и к концу часового купания уже не отставал от всех. Как оказалось, другого способа обучения здесь не знали. Стиль плавания у всех был один – «по-собачьи».

После купания все почувствовали, что проголодались. Идти обедать означало потерять половину личного состава. У большинства дома находились бабушки, которые не могли упустить момента появления дома потенциального работника. У всех были обязанности, которые выполнялись из-под палки. Это уборка навоза, полив огородов, прополка, сбор яиц и прочие скучные дела. Все можно было отложить до вечера, когда деваться все равно некуда. А сейчас лучше обойтись подножным кормом. Буквально.

Сразу за речкой начинался луг, на котором чего только не было для пропитания. Мы с азартом набросились на полевой чеснок, мангыр и кислицу. Мне показывали, как их находить, не забывая подначивать. Среди чеснока росло какое-то отвратительное растение очень на него похожее, называвшееся неприлично. По смыслу «кобылья моча». Считалось, что по схожести вкуса. После него долго ничего не хотелось брать в рот. «Наставники» веселились, подсунув мне это «лакомство».

После мангыра и кислицы (разновидность полевого щавеля) мы себя сытыми не ощутили, поэтому решено было идти за саранками. Это растение из семейства лилий имело необычайно вкусную и питательную луковицу величиной с детский кулачок. Также поедались и сочные вкусные завитки ярко алых цветков. Конечно, пришлось потрудиться, но часа через два необходимость в обеде отпала.

Потом пошли в болотце возле речки, наткнулись на выводок дикой утки, переловили утят, которых кто-то, у кого была дома утка с потомством, понес домой, подсаживать к выводку.

Так мы пробегали до вечера, когда из степи в деревню потянулось стадо коров. Мои друзья о чем-то посоветовались, потом Гошка предложил пойти к стайкам дразнить имана. Иман это козел. Зачем его дразнить я не понял, но согласился с удовольствием. Раньше, во время недолгого проживания у тетки на Черновских я видел коз. Это были общительные животные, которые с нами играли, особенно козлята. Я считал их безобидными и забавными.

Тот иман, которого мы пришли дразнить, был в два раза больше тетких, с перекрещенными длинными рогами и бородой до колена. Он находился в загоне вместе с другими козами. Забор из жердей был метра два высотой. Мы забрались на него, чем сразу рассердили главного обитателя. Козел стал разбегаться и прыгать на забор в надежде достать нарушителей покоя. Ребятишки радовались и тыкали в козла палками, сидя в безопасности на заборе, чем распалили его еще больше. Мне это развлечение очень понравилось, я свесился с забора, чтобы достать ногой козла и в это время Гошка столкнул меня со стены. Я упал вниз, вскочил и тут же был пригвожден к забору. Козел, которому редко выпадала такая удача, решил отыгаться на мне за все свои многолетние обиды. Хорошо, что в соседней стайке доила корову взрослая сестра Витьки Полякова. Как потом рассказывала, сама она боялась этого козла пуще смерти, но мои истошные вопли заставили ее позабыть страх. Впоследствии она не один раз заплатилась за свой подвиг. Злопамятный козел несколько раз подкарауливал ее, нападая из-

за угла. Он запросто внезапным ударом под зад сбивал с ног взрослого человека. Даже когда ему отпили рога, он этой подлой привычки не оставил.

Меня доставили домой, перемазали йодом и зеленкой, напоили парным молоком и запретили выходить на улицу без разрешения. Запрет действовал до утра, потом забылся. Но в памяти навсегда остался этот насыщенный событиями первый день в деревне

ГЛАВА 6. ИНТЕРЕСНОЕ КИНО

После нескольких месяцев обитания на квартире мы переехали в новый дом, предназначенный для специалистов, направленных на целину. Совсем другое дело! Это уже не угол в чужой избе, отгороженный ситцевой занавеской.

Дом стоял посреди пустыря, без забора и сеней, сразу с улицыходишь в помещение. Планировка простая, размерами примерно шесть метров на семь, организованная вокруг печки, сложенной почти посередине помещения. От входной двери до печки метра три. Справа и слева окна. С одной стороны между печкой и окном соорудили двухметровой ширины настил из досок, который отец называл нарами, мать полатами, а местные топчаном. Все правы. Назначение от этого не менялось. За печкой кровать родителей, отгороженная занавеской (куда без нее?), там же зыбка с родившейся осенью сестренкой.

Топчан сначала был моим, потом, по мере появления младших, я стал делить его с ними. Удобная вещь. Особенно пространство под ним, зимой там можно было возиться часами, никого не раздражая. Там же прятался от гнева взрослых, избегая наказания за проказы. На топчане спал. С одной стороны холодная наружная стена, зато с другой горячая печка. С вечера от нее отодвигался, к утру к ней прижимался. Справа от печки стол, две скамьи и две табуретки. Все как у людей.

Полку целинников прибыло. На постой к нам направили нового тракториста, Митю Пирожкова. Поставили ему кровать возле двери, завесив шторкой. Отец, уже признанный ударник труда, взял над ним опеку, тот не сводил с патрона глаз, очарованный его мастерством, повадками и брутальностью.

У отца был замечательный отзывчивый характер. Всегда готов для людей снять с себя последнюю рубаху, помочь в работе. Выполнял два плана на работе, в прошлом спортсмен, занимался боксом. Идеальный человек и кумир сельской молодежи. Пока трезвый.

Выпить же был готов с кем угодно, принципиально за свой счет. Поначалу это привлекало односельчан к новому поселенцу, потом стали остерегаться.

Ко времени появления Мити, отец уже поставил себя в коллективе и деревне. С ним старались не связываться, но деваться некуда – село, что подводная лодка.

Выпив, менялся поразительно. Общительность превращалась в диктаторскую назойливость, теперь он вполне мог на человеке последнюю рубаху порвать. Кто не хотел угощаться от его щедрот, рисковал на себе испытать боксерские навыки.

Загулы начинались с получки. Приходил домой развеселый, в приливе щедрости мог дать мне много денег. Мать потом их потихоньку забирала. Делал роскошные подарки. Однажды купил настоящие заводские лыжи. Я ими гордился до следующей получки. Сверстники катались на самодельных, вытесанных из клепок деревянных бочек.

Фаза эйфории проходила, дома становилось скучно, он шел в магазин, покупал водку, прихватывал всех, кто попался на глаза. Напивался с ними до фазы свирепости, бил их и шел домой с чувством исполненного долга. Зная его натуру, собутыльники стремились вовремя улизнуть. Иногда не удавалось никого побить. Деревня садилась в осаду, никто не отзывался, а потребность оставалась. Тогда плохо приходилось домашним. Сначала он громил посуду, уничтожал вещи. Лыжи изрубил топором, предварительно испытав их прочность на моей спине за то, что я дал на них кому-то покататься. Стал поднимать руку на мать, вечно беременную или с грудничком на руках. Я убегал, если это было днем или сидел, затаившись за печкой под нарами.

С появлением Мити стало спокойней. Теперь у отца был постоянный собутыльник и собеседник, вынужденный часами слушать пьяную галиматью. Рук при нем не распускал.

Их гусеничные трактора стояли прямо возле дома, забора не было и в помине. Там быстро образовался промасленный пятак, на котором никогда не росла трава. Из окна я наблюдал как они утром, еще затемно, заводят на морозе технику. У отца был современный ДТ-54, а у Мити «НАТИ» времен коммуны. Зимой они возили на них сено и другие корма по стойкам чабанов и гуртам крупного рогатого скота. В полной темноте перед окном разводили костер под металлической двухсотлитровой бочкой с маслом. Вода в это время грелась на печке в доме в двух молочных бидонах. Когда носили воду, в избу, то и дело, врвался с улицы морозный воздух, заставляющий зарываться под одеялом. Все обволакивало плотным потоком пара, сквозь который различались тени мужиков с ведрами снующих туда и обратно.

Однажды они прозевали и закрытая бочка, перегревшись, взлетела в воздух с оглушительным взрывом. Я видел, что вместе с бочкой в воздухе перевернулся квартирант и упал на раздетый взрывом костер. Окна в доме вылетели, чудом меня не порезав. Перепуганный отец подбежал к приседающему Митьке, стал его держать и уговаривать. Набросив на себя одежду, я выскочил на улицу. Со всех сторон бежали, разбуженные взрывом, люди. Митька истерически хохотал, никакие усилия отца не могли его остановить. Подбежал управляющий, врезал ему пару раз по лицу, тот замолчал, начал ощупывать себя, с ног до головы залитого горячим маслом.

– Первое средство при контузии человека в чувство приводить. На войне всегда так делали.

Митя обмяк, ноги перестали его держать, он опустился прямо на снег. Пришел кузнец, живущий недалеко, метрах в пятидесяти от нашего дома. Его разбудил взрыв и страшный удар в стену. Вырванное днище бочки долетев, врезалось в бревна дома сантиметров на двадцать, чуть не прорубив их насквозь. Окна завесили одеялами, пока достали стекло, дня три жили в темноте с забитыми войлоком проемами. Смеялись, говоря, что и в юрте пришлось пожить. Войлок был для нас беда и выручка. На полу, на постели под матрацами, на валенках, везде, где требуется изоляция и утепление. В доме воняло керосином. Электричества в селе еще не было, лампа горела круглые сутки.

На ферму привезли новое индийское кино. О нем уже все были наслышаны и с нетерпением ждали. Это известный фильм «Бродяга». В те времена выходной был один – воскресенье. Накануне дали получку. Ее отмечали второй день. До вечернего сеанса (а других не было) все взрослое население успело поднабраться «сучка» – водки из древесных опилок, которая больше походила на керосин или ацетон, потому что перегонялась из того же сырья, только дольше и степень очистки у нее выше. Побочным эффектом популярного из-за дешевизны напитка, помимо опьянения, было полное одурение. Немногочисленное население деревни к началу фильма сохранилось в зависимости от устойчивости организма. Многие выпали из обращения еще до обеда, кто-то в клуб пришел, но ничего не видел, мирно похрюпывая на скамейке, некоторые покинули фильм, безвольно влекомые домочадцами, несмотря на захватывающие эпизоды.

После фильма мы с матерью пошли домой, а отец с квартирантом остались в клубе догуливать.

Проснулся от громких голосов. За столом сидели в стельку пьяные мужики, раздетые до пояса. С вечера всегда хорошо протапливали печь, чтоб до утра изба не выстыла. Перед ними стояли бутылки, прямо на столе большой кусок мороженой квашеной капусты и сало. В руке отца небольшой кухонный нож, которым он ковырял мерзлую закуску. Мать позвала меня к себе за занавеску. Обычно миролюбивый с Митей, сейчас отец говорил угрожающим тоном. Называл себя Раджой, а Митю Джаггой. Видимо по сценарию Радж уже враждовал с Джаггой. Только он, почему-то говорил «Раджа». Я проваливался в сон, при громких криках

просыпался. Мать попробовала урезонить «индусов», но получила в ответ такой рык, что сразу замолчала, к этому времени отец уже не раз срывал зло на семье.

В очередной раз проснулся, под крики Раджа, Джагги и матери. Мать прижала меня к себе, занавеска сорвана. Квартирант лежал на полу, отец, окончательно вошедший в роль Раджа, схватил нож и несколько раз полоснул им по животу Мити – Джагги. Стол и пол были в крови, Митя вскочил, согнувшись, зажимая руками раны, бросился на улицу. Сквозь пальцы капала кровь. Я, в истерике, повис на матери. Она укрыла меня одеялом, уговаривая.

Раджа с ножом в руке побежал за Джагги. Потом, ругаясь, вернулся, налил стакан водки и выпил. Лег на стол головой, лбом задел горячую лампу, смахнул ее со стола. В темноте звякнуло стекло, запахло керосином. Все тише повторяя, что он Раджа, так и заснул. Я, дрожа всем телом, прижимался к матери. Она успокаивала, говорила, чтоб не боялся, большой уже, через год в школу идти. Пригревшись, заснул.

На следующее утро проснулся, когда отец уже уехал на работу. Мать мыла пол, наводила порядок в доме. Мне сказала, чтоб никому не рассказывал, что произошло. Если будут спрашивать, говорить, что спал и ничего не видел. А то папку посадят, как потом жить будем.

Никто и не спрашивал. Митя, приползший к соседям с кишками в руках, сказал, что это он сам по неосторожности порезался. Всем пришлось поверить. Они остались с отцом друзьями. Только Митя переехал жить в другое место.

А индийский фильм всем очень понравился и его еще долго вспоминали. Я – всю жизнь, благодаря продолжению.

ГЛАВА 7. КОНЕЦ СВЕТА

Деревня была безымянной, в совхозе значилась как третье отделение, а в быту называлась «третья ферма». Начальство, сколько помню, в ней не задерживалось. Когда мы приехали сюда осваивать целину, управляющим был малограмотный, самодур Иннокентий Гурбатов, впоследствии закончивший карьеру на своем месте, отличным чабаном. Потом его сменил Вениамин Богданов, наверное, один из самых удачных. Затем прошла череда людей случайных из чабанов, скотников, трактористов.

Дольше всех задержался Богданов, на период его работы и выпало время развития деревни и отделения. После этого уже началась деградация до полного исчезновения. Осталась деревушка только в памяти людей в ней родившихся и выросших.

Светлая полоса в ее жизни выпала на период правления Хрущева. Степи Забайкалья оживились в соответствии с постановлением Пленума ЦК «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Возникали новые совхозы, расширялись старые, появлялись поселки, в которых селились целинники, техника вытесняла лошадиную тягу.

Коснулись изменения и нашей 3-й фермы совхоза «Бутунтаевский», входящего в Быркинский район (с 1962 Приаргунский).

Вроде бы ничего особенного, всего лишь протянули линию электропередачи, но желтые только что ошкуренные сосновые столбы и блестящие провода на белых фарфоровых чашечках изоляторов совершенно меняли облик улиц, придавая им солидность и презентабельность.

Дети позабыли на время привычные развлечения, воробьи, голуби и суслики получили передышку от истребительных набегов. поголовно вовлеченные в процесс, они не отходили ни на шаг от строителей, постигая премудрости электромонтажных работ. Таскали теодолит и прочие геодезические приборы, держали разметочные рейки. Речь обогащалась терминологией специалистов. Траверсы, пасынки, анкеры употреблялись в разговорах по делу и без дела. Технологию и последовательность работ изучили досконально. В деревне дети не страдают равнодушием, они приучены осваивать любое ремесло, которое им доводится увидеть. После строительства линии каждому можно было присваивать профессиональный разряд.

Вначале готовились ямы, потом завозились столбы, укладывались возле каждой ямы. Затем на них накручивались изоляторы, после чего уже начинался монтаж.

В крупных центрах при установке опор использовались механизмы, в том числе для бурения и монтажа, у нас же все делалось вручную. Для того, чтобы установить столб выкапывалась прямоугольная яма размером метр на два, иначе требуемой глубины в полтора метра получить невозможно. Пока дошло дело до столбов, в эти могилы, особенно в темноте то и дело попадали животные, вынужденные ждать помощи до утра. Не повезло нескольким выпивохам. Первый случай запомнился односельчанам надолго.

Часа в три ночи посреди деревни раздался истошный вопль:

– Ой, спасите, помогите! Люди добрые, не дайте погибнуть! Да что же это делается, уже на людей ловушки ставят, фашисты проклятые!

Голос принадлежал Павлу Галанскому, который еще с вечера потешал народ пьяными выходками, потом угомонился. Он был назначен бригадиром на отгон овец в Борзю на мясокомбинат. Днем из конторы совхоза приезжало начальство для отработки маршрута и инструктажа отгонщикам. Большая часть совещания была уделена изучению маршрута и технике безопасности. После их отъезда, по обычаю, был устроен банкет. Паша так и остался в клубе, отягощенный свалившейся на него ответственностью. Это произошло, когда под опору копали первую яму. По закону подлости она оказалась на привычной для новоявленного бригадира тропинке. Проснувшись еще под впечатлением от инструктажа, самым обычным в таких слу-

чаях способом, т. е. на четвереньках, отправился домой. В кромешной тьме он в эту яму и сверзился. Инструкция гласила первым делом привлечь на помощь. Обладая тренированным в необъятной степи зычным голосом, усиленным ужасом, он возопил так, что возбудил всех собак не только в деревне, но и на ближайших чабанских стоянках.

Прибежавший на призыв дежурный скотник увидел Пашу простершего к небесам длинные руки и непрерывно изрыгающего проклятия, перемежая их с призывами не оставить в беде. После окрика тот, наконец, замолчал.

– Что ты орешь?

– Да ты не видишь, провалился я, выбраться не могу!

– Тебе что, другой дороги не было?

– Я свой маршрут знаю!

Приглядевшись, конюх увидел, что страдалец стоит на коленях.

– Да ты встань с колен!

Долговязый Паша встал, яма оказалась ему ниже пояса.

– Сказано в Писании: «Весь мир будет опутан паутиной, полетят по небу железные птицы и печать антихристову поставят на каждого». И наступит конец света!

С этой фразы начинался день деда Андрея, а заодно и всей деревни, как только приступили к строительству линии. Он, разбитый параличом, умирал за занавеской на печи больше года. От духоты и смрада окна в избе всегда были открыты и под густой неумолкающий бас старика жила вся деревня. Ненадолго замолкая на время короткого сна или приема пищи, он начинал свои предсказания, состоящие из мешанины библейских, и не только, текстов, с громкого возгласа очередного пророчества, протестуя против последнего наступления «антихриста». Увещевания родственников только распяляли его и вызывали еще более бурную реакцию. Категорически запретив, в свое время, проводить в дом радио, сейчас он не разрешил ставить возле дома столб.

Мы деда не боялись. Еще недавно все состояли в его личной свите при обходе деревни, что было обязательным ежедневным ритуалом, когда он еще ходил. Ростом выше всех в деревне, бородатый, широкоплечий и костистый, он был совершенно глухой. Фамилия его Кузнецов, сам был кузнецом, сын его, отец моих сверстниц, Лиды и Людэ, кузнец. Старший внук Юрка работал с отцом в кузнице. Все высокие, дородные, сильные. Юрка, дурачась при ковке лошадей, справлялся с ними без станка.

Когда оглох дед, мы не знали, никто этого не помнил, старожилы говорят, что он такой с незапамятных времен. Сверстников давно не было. Даже самые старенькие бабушки называли его дядей Андреем. Он никогда не разлучался со скрипкой. Мелодии мало отличались от тележного скрипа. Мы другого не слышали, поэтому всегда его игрой восхищались. А чего еще можно ожидать от инструмента с таким названием?

Больше всех его смерти ждали внучки, которым сказали, что тогда и к ним проведут электричество и радио.

Работы велись целый год, только к следующей весне протянули линию, завели в дома, поставили пробки, провели на деревянных катушках провода с текстильной изоляцией поверх резиновой, повесили патроны с лампочками. Построили дизельную электростанцию, назначили тракториста Григория Каргина дизелистом.

Всем не терпелось. Для нас преимущества жизни с электричеством были очевидны. Отпадет необходимость крутить рукоятку генератора, когда идет кинофильм, который привозили раз в неделю. Это было нашей обязанностью. Я неожиданно оказался востребованным, так как до приезда сюда жил в городе и знал, как обращаться с выключателями и розетками. Меня водили по домам и все внимательно слушали, когда я, распираемый гордостью от явного ува-

жения ко мне, еще вчера обычному дошкольнику, показывал, как щелкать выключателем и рассказывал, что после этого произойдет. Переспрашивали, уточняли. Бабушки верили не все.

К первомайским праздникам запустить электростанцию не удалось, что-то помешало, поэтому торжественный митинг по случаю пуска дизель-генератора назначили уже в июне. Собрались на улице, часов в одиннадцать вечера возле клуба под столбом, на котором стоял единственный уличный фонарь. Все принарядились. Развели костер. Управляющий говорил речь о достижениях и перспективах. Люди, соглашаясь, поддерживали. Жизнь и впрямь за очень короткое время стала лучше. Реже вспоминали о войне, забыли, что такое голод, говорить стали без оглядки, особенно молодежь. Раздавались аплодисменты, которые перешли в овации, когда заработал дизель.

Управляющий точно подгадал момент включения рубильника и под его лозунг: – «Да здравствует новая светлая жизнь!», вспыхнул яркий свет во всех домах, и вся площадь оказалась залитой светом установленного на ней фонаря.

Шапки взлетали вверх, все ликовали. Взрослые, забыв о солидности, прыгали и кружились с детьми, взявшись за руки.

Вдруг фонарь на площади и лампочки в домах вспыхнули нестерпимым блеском и разом потухли. Неопытный моторист дал чрезмерное напряжение и лампочки сгорели. В наступившей кромешной тьме, замолчавшие от неожиданности люди, из открытого окна Кузнецовых услышали торжествующий, перекрывающий рокот дизеля, густой бас деда Андрея:

– И настанет конец света! И накроет землю тьма кромешная!

ГЛАВА 8. ЧУЖОЙ ДЕД

От домика садовника раздался залиvistый лай Находки и крик деда:

– Стойте, я вам говорю, все равно от собаки не уйти!

Те, что сидели на ветках, затаились, а кто собирал смородину, со всех ног кинулись к деревьям и, обдирая голые животы, карабкались вверх, спасаясь от собаки, хоть и знали, что она не укусит. Но паника делала свое дело. Кто-то даже начал всхлипывать. На него прикрикнули и велели всем затаиться. Садовник приближался, подбадривая собаку и постукивая палкой по стволам деревьев.

Имя его знали в сельсовете и конторе совхоза, а для всех он был дед Тибекин. Жил в километре от деревни возле общественного родника, «ключка», так называлось по-местному. Разбил по собственной инициативе сад на нескольких гектарах, завел пасеку, птичник и один за всем этим ухаживал. Даже урожай собирал сам. Сейчас я понимаю, что деда, пользуясь его безотказностью, нещадно эксплуатировали, тогда мы над этим не задумывались.

Сад посреди степи был оазисом в пустыне. Рядом всегда росла гречиха, вокруг поля, да и на самом поле алела сарана, местная лилия, которую заодно с гречихой опыляли пчелы с его пасеки. И сад и пасека были единственными во всей округе.

Говорят, где-то возле сел Пури и Селинда еще были сады, но они совхозу не принадлежали. Хотя отношение к саду деда имели. Когда ему привозили саженцы «ранеток» и «дикого яблочка» (морозостойкие разновидности мелкоплодных яблонь) для ремонта сада, предприимчивые граждане из числа местных куркулей, их воровали и закладывали собственные сады в потаенных местах. Никто не видел с этих садов урожая, ходить туда боялись, суровые хозяева без шуток охраняли свое добро с оружием. Подстрелить могли за милую душу. А поедали плоды, наверное, как и выращивали, т.е. тайком. Так же как их дети в школьных интернатах жевали пряники под одеялами, чтоб не делиться с товарищами из небогатых семей. Потом удивлялись, за что их не любят.

Не то было у деда Тибекина, который сам выращивал, охранял, собирал урожай и сдавал все до килограмма в совхозный детский садик и столовую. Ребятя дошкольного возраста постоянно околачивалась возле его владений. Нам одинаково интересны были и гречиха вперемешку с саранками и сад с плодами и пасека с медом. Здесь все было вкусным и доступным. На поле мы откапывали луковицы саранки, а во время осенней вспашки бегали за трактором и из распаханых мышинных кладовых набирали по ведру этого лакомства. Кто в детстве не ел саранку, тот обделенный человек.

А вот вкусности, которые для нас были экзотикой, с хозяйства деда доставались не просто, требовались смекалка, отвага и удача. Дед играл с нами по своим правилам, не посвящая в них нас. Да что там, он даже не говорил никогда, что это игра. Вот и тряслись мы сейчас на деревьях в ожидании неминуемого наказания. По правде сказать, боялись мы понарошку, сценарий был всегда один и тот же. Но исполнялся с таким реализмом, что мы сами в него верили.

Дед подошел и встал под деревьями с грозным видом, силясь разглядеть преступников сквозь ветки. Каждый из нас сидел в надежде, что его не увидят. Надежда жила до последнего. Даже когда встречались с ним взглядами, отворачивались в сторону, вдруг не разглядит.

– Так, Находка, что ты скажешь?

– Гав, гав!

– Что, что? Витька Поляков, Васька Парыгин, Санька Марков, Вовка Султанов, Генка Фартусов? Все?

– Гав-гав!

– Еще и Вовка Лончаков, который Макила? А этот шкет чего увязался? Еще свалится с дерева. И Кеха Поляков? Балбес большой, уже в первом классе учится. Вот я Валентине Семеновне расскажу. Ну что с ними делать будем, наказывать? Видишь, кусты помяли.

– Гав-гав!

– Я понимаю, что заслужили, но они ведь будущие солдаты. Как в армии служить будут, если ты им ноги пообкусаешь? Да и маленькие еще. Давай договоримся, ты их не трогай, я сам разберусь. Макиле больше всех всыплю, а на Кеху учительнице пожалуюсь.

С веток уже доносились всхлипывания. Плакал самый маленький, четырехлетний Вовка Лончаков, прозванный Макилой за то, что в магазине вместо «полкило сахару», говорил: -«макила сахаю». И самый большой Кеша Поляков, жалоба учительнице, единственной в селе, была страшной угрозой. Ей родители жаловались на своих детей, которые давно не учились, некоторые уже своих готовили к школе.

– Ну что, все слышали? Слезайте, хватит прятаться. Да аккуратнее, ветки не ломайте! Не вздумайте убежать, Находка все равно догонит. Руками не махайте, пчелы этого не любят.

Мы спускались к деду, под радостный лай и повизгивание подпрыгивающей Находки, он брал на руки размазывающего слезы Макилу, успокаивал его, а нам строго приказывал следовать за ним. Вел нас к своему дому мимо пасеки, рядов смородины, малины, грядок с огурцами, помидорами, капустой и прочими овощами и зеленью. Все у него одуряюще пахло и удивляло разнообразием и размерами. В наших домашних огородах все было мельче, тусклее и неинтереснее.

Возле дома небольшой пруд, в котором плавали утки, еще одна диковина для нас. Дикими утками нас не удивишь, утят чуть не руками возле речки ловили. Куры и гуси были почти в каждом дворе, а пекинские утки почему-то только у деда.

В доме у него мы никогда не были, бабы, которым приходилось заходить, рассказывали, что в углу висят иконы, а там, где раньше был портрет Сталина, теперь висит портрет молодого офицера, погибшего на войне сына стариков.

Бабушка у деда прозывалась «Тибечиха», была неприметной и молчаливой. Встречала нас всегда одинаково: сначала плакала, потом обнимала всех, ворча на деда за строгость. Дед прикрикивал на нее каким-то нарочитым и в то же время увещающим тоном:

– Ну что ты мне педагогику портишь? Хватит, мать. Говорят, горе семь лет живет, а у нас уже девятый пошел. Вот им на смену народились!

– Лучше бы они нас сменили. Ну, все отец, не буду больше.

Бабка вытирала кончиком платка слезы и заводила нас в большую землянку, сооруженную возле дома для зимовки пчел. Летом она служила как вспомогательное помещение. Внутри было прохладно, чистенько. Стоял большой стол, на котором расставлено около десятка чайных блюдец, стаканов с водой. Посреди стола большие тарелки с овощами, утиными яйцами, смородиной, малиной и трехлитровая банка меда. На большом блюде ломтями нарезанный каравай белого, только что испеченного, хлеба.

Игра на этом заканчивалась. Все увиденное и учуянное отбивало всякое желание слушать, продолжающего резвиться, деда. Быстро рассаживались на низенькие табуретки вокруг стола и ждали начала ритуала.

Под грозный рык деда о том, что сейчас они будут наказаны «страшным поеданием меда за свои несмываемые преступления», бабушка ставила перед каждым по блюдцу, наполняла их до краев медом, клала по ломтю теплого душистого хлеба и придвигала овощи.

Все что стояло на столе, было для нас повседневной надоевшей пищей, а вот мед и ягоды как раз то, за чем мы и шли сюда, пренебрегая опасностью. Мы набрасывались на угощение, всякий раз сожалея, что блюдец маленькое и надеясь на добавку. Но через некоторое время азарт наш стихал, ложки двигались все медленнее и только глаза еще оставались голодными.

На моей памяти ни разу никто не попросил добавки. Блюдца отодвигались, сопение стихало, и опять слышался грозный голос деда:

– Это еще что такое? Вас сюда не развлекать привели, а наказывать. Быстро всем взять ложки и доесть мед! Я что сказал! Сейчас Находку позову, она вас живо уму-разуму научит!

Никто уже деда не боялся, лишь Макила начинал кукситься, но бабушка быстро подхватывала его на руки и, замахиваясь на деда полотенцем, стращала:

– А ну пошел отсюда, фулюган старый! Ишь, что выдумал, детей пугать!

Да так весело и задорно, что и Макила, смеясь, тоже начинал махать на деда ручонкой.

Потом начиналось прощание. Всех выстраивали в шеренгу, каждому в узелке вручалось то, что осталось на столе. Мы уходили под залиvistый лай Находки, и угрозы деда. Оглядываясь, видели, что бабка прижимает платок к глазам, а дед ее гладит по голове.

Дома потом взрослые смеялись над причудами стариков и скармливали нам яйца, так как куриные уже всем надоели. Честно говоря, утиные были хуже, но они же тибекины! Еще смеялись над травой, которую мы приносили от деда. В деревенских огородах кроме лука ничего не выращивалось, а у деда на грядках зелень, которая росла в диком виде в степи.

Бабка в деревню спускалась каждый день в магазин и ни к кому не заходила, хотя в каждый дом ее приглашали «почаевать». Некоторые женщины ходили к ней в гости. Ее необщительность объясняли тем, что она «хохлушка», из Воронежа. Для нас все, что западнее Урала считалось «хохляцким», так же как для многих западников все, что за Уралом «уральским». В это определение вмещались вся Сибирь и Дальний Восток.

Дед появлялся только по праздникам. Мы его ждали и быстро объявляли общий сбор. Интересы преобладали самые меркантильные. Он никогда не приходил с пустыми руками. Особенно долгожданными были его посещения после окончания очередной школьной четверти, которые дед для нас делал праздниками.

Он открывал большую кирзовую сумку, доставал из нее пряники, все те же утиные яйца, конфеты и одаривал поровну всех. Потом спрашивал, как закончил четверть. Если без двоек, то давал рубль, без троек – два. Я однажды получил от него три рубля. Это были большие деньги, если учесть, что мы тогда промышляли отловом грызунов и шкурку суслика и крысы в Заготконторе принимали за девяносто копеек. Двоечникам наказывал исправляться и обещал отдельную «стахановскую» премию.

Он знал всех детей в деревне, включая грудных. Шел по улицам и наделял в каждом дворе зазевавшихся. Наш эскорт сопровождал его до самого выхода, зная, что у него всегда будут остатки, которые он поделит при прощании между нами. «За службу!».

Так и жили старики неразлучно в своем совхозном саду, пока не померла бабушка. Дед после этого стал болеть, перестал справляться с хозяйством. А там и вовсе уехал куда-то назад, домой. Туда, откуда уехал из-за воспоминаний о безвременно потерянном сыне. А здесь у него, сыновей не было, а чужих отцов мы чтим, пока от них есть польза.

Сад вскоре захирел, пасеку перевезли в другое место, где она и погибла. Деревья стали выкорчевывать и вывозить в окрестные села. Может быть, до сих пор приносят кому-нибудь пользу.

ГЛАВА 9. ВЫСЫЛКА

Как это часто бывает на селе, чужаков пытались поставить на место при первой же повальной, от мала до велика, пьянке. Если б это удалось, жизнь превратилась бы в кошмар. Но отчим был крепким мужчиной, закаленным в уличных драках в рабочих кварталах, владел боксом, чем быстро снискал славу непобедимого и опасного «городского» бандита. Усмирить мог любую толпу. Учитывая малочисленность боеспособного деревенского населения, достигалось это легко. И, вскоре, каждая его пьянка заканчивалась осадным положением местного населения. Потом все успокоилось, просто он стал непререкаемым авторитетом, с которым лучше не связываться. Да и характер его к долгим раздумьям и разговорам не располагал: сначала пил, потом бил, а уже на завтра задавал вопрос: «кого?». А «за что?» никогда не спрашивал.

Он и меня заставил социализироваться по своим рецептам. Когда я уже учился во втором классе, меня пристрастился обижать сын местного учетчика. Разница в четыре года в этом возрасте имеет значение, к тому же он и по породе был крепким, рослым пацаном. Как-то пришел я с разбитым носом, подпитый отчим спрашивает:

– кто?

– И что же ты ему сдачи не дал? Завтра же разберись!

Назавтра подпитый отчим:

– Разобрался?

– Нет.– Затрещина.

– Так и будет, пока не разберешься.

Делать нечего, на следующий день пришлось раскроить Витьке голову кирпичом.

Событие для деревни грандиозное, половина населения гналась за мной до самого дома под истошные вопли пострадавшего. Бежали они больше из любопытства, посмотреть, как со мной будут расправляться родители.

На справедливое возмущение родителей подпитый отчим с удовольствием объявил, что это произошло с его ведома:

– нечего маленьких обижать.

Стоит ли говорить, что и я, после нескольких подвигов, обрел славу человека, на которого управы нет.

Такое отношение к соседям давало сомнительное преимущество. Это ломало представления местных об иерархии. Как обеспечивался порядок на селе? Милиции и других институтов власти в пределах досягаемости не было, поэтому управляющим назначался человек с минимально необходимым количеством мозгов и достаточным, для усмирения любого протестанта, количеством мышц. Все держалось на грубой физической силе. В нашем случае баланс был нарушен. У отчима всего оказалось больше, но любовь к выпивке не позволяла включить его в номенклатуру. Отсюда неприятности. Я все же адаптировался, дети более коммуникабельны, а вот семья от этого, скорее, страдала. После очередного подвига, «управ» сумел добиться перевода отчима на работу в другое отделение в село Мулино – бывшую казачью станицу. Начальство ухло, что в этом селе народу больше и традиции другие.

ГЛАВА 10. В ИЗГНАНИИ

В Мулино уже знали о последней выходке «городского». Заключалась она в следующем: во имя справедливости на планерке, при всем честном народе, отчим засунул голову управляющего в колесо его же брички (по-местному «ходок») и понукнул лошадей. «Колесование» было непривычным, да и опасным способом протеста, и оппонентов пришлось развести.

К тому времени у меня уже было две сестренки, мать ждала следующего ребенка. Поселили нас с приезжей молодой бурятской семьей на скотном дворе на отшибе, т.к. другого жилья не было. Перешел я к тому времени в третий класс. По сравнению с местными детьми был более начитан, фантазер, а мое бродячее прошлое давало простор воображению, так что перед новыми сверстниками предстал бывалый, неустрашимый гангстер, с руками по локоть в крови. Реноме надо было поддерживать, положение обязывало. При первой же их попытке проверить на «вшивость», я схватил какую-то щепку и с криком: «зарезу!», обратил в паническое бегство всех налетчиков. Родители пришли жаловаться, – принципы отчима были незыблемы.

Коровник в житейском плане научил меня многому, мог и специалистов поучить. Кормление, уборка навоза, искусственное осеменение, отел маток, уход за телятами и прочие работы, в которых приходилось принимать участие во время запоев отчима, стали обыденным делом.

В школу приходилось топать километра полтора через метровые сугробы, зима была снежная и морозная. Учеба особо не угнетала, но был один недостаток – рисование. К счастью, учительница досталась умная, дрессировкой не занималась. Давала домашнее задание, затем выставляла оценки навечно. Я, как следует, потренировался и освоил изображение майского жука. Он меня и в других школах (их было несколько) выручал.

Третьего мая ночью завывала страшная пурга, при морозе под минус тридцать. Из сеней я не смог выйти во двор за дровами, дверь отшвырнула меня назад, что-то ударило в лоб, утром подобрал замерзшего на лету воробья.

На печи за занавеской возились родители, с какой-то посторонней теткой, я все не мог понять, почему они не спят. Потом оттуда послышался пронзительный писк. Полутораговая младшая Алька проснулась и захныкала: «Мама,пусти кису, она на улице плачет».

Плакала, теперь уже младшая, новорожденная Люда. Мне было десять лет.

В Мулино мы не задержались. Народ там, действительно, оказался покрепче или с оппонентами не повезло, но на этот раз при очередной попойке отчиму крепко вломили местные. Их было 7 или 8 братьев, одного из которых отчим успел отдубасить. Мстить братья пришли все. На потеху сбежалось полсела. Отчим и здесь оправдывал свою репутацию, но папаша семейства сзади сбил его с ног жердью. А дальше по Высоцкому: «...ну а там уж и все позабавились». Дело было зимой, подобрали мы его на снегу часа через полтора. Не помогли ни водка, ни крепкий организм. Воспаление легких и проблемы со здоровьем до конца жизни.

Понятно, что с его характером на этом не закончилось и, чтобы избежать смертоубийства, нас переселили в другую станицу – Манкечурскую.

Помню начало частушки тех времен: « Пури, Мулино, Манкечур воевали за царя...», забыл как дальше. Это были казачьи станицы, которые подверглись жестоким гонениям со стороны советских властей. Из Пури, например, выселили всех жителей. Через нее пролегал тракт на Борзю, и я помню еще в 60-е годы мы проезжали через мертвое село с домами без окон и дверей. Переселенцев из станицы называли «пуринцами».

Жизнь в Манкечуре ничем особенным не запомнилась по причине краткости пребывания.

ГЛАВА 11. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нас вернули назад на 3-е отделение. Там сменился управляющий, и отчим клятвенно заверил, что не будет подвергать нового средневековым пыткам и, вообще, остепенится.

Свежо предание..... Работу отчиму дали на отаре, а так как мать не работала из-за кучи детей, и в деревне даже обслужить семью была не в состоянии, то и нас сослали на отару в урочище Кадарча.

Жили мы в настоящей землянке, в которой: – «...бьется в тесной печурке огонь...». Романтики было выше головы. Полное отсутствие соседей на расстоянии двенадцати километров, степь с перелесками, в которых живность можно было чуть не руками ловить. Мне разрешили охотиться с настоящим ружьем. Подранков я приручал. У нас часто жили рябчики, куропатки, дикие козлята, лисята – мои и отчима трофеи. Мы к ним привыкали, но из совхоза наезжали разные уполномоченные, учетчики, зоотехники, ветеринары и отчим после застолья с ними, от широты душевной дарил им очередного питомца. На наши слезы никто внимания не обращал.

Землянка для такой семьи была тесной, мы всё возмущались, что еще и дверь открывалась внутрь, воруя пространство. Оценили это неудобство зимой, когда оно превратилось в преимущество. В первую же метель, открыв утром дверь, обнаружили снежную стену. Вход в жилище, в виде двухметровой траншеи, был завален. Если бы дверь открывалась наружу, мы были бы заживо погребены. Откапывались, чем пришлось (впоследствии всегда держали под рукой лопату), а снаружи к нам пробивались собаки. На полпути встретились. Весело было ребятам и собакам, а взрослым и овцам нет. Неудобство было в том, что снег приходилось загребать в помещение, а потом выносить наверх. Но это взрослым, а нам приключение! Мало кто может похвастаться сугробами возле постели. Правда, вода и грязь на полу, действительно, причиняли неудобства. Да и все остальное было на дворе. Вернее ничего не было, простор – пристраивайся, где хочешь. Только запоминай, чтоб потом не вляпаться.

Учился я уже в пятом классе в интернате. Здание интерната было на ремонте и нас поселили в фойе клуба без разбору и девочек и мальчиков. Иногда с нами ночевала прикомандированная для присмотра бабка. Но в целом порядок был. Жили на полном самообеспечении и самообслуживании. Продукты привозили с собой, сами готовили. К жизни сельская ребятня приспособлена, поэтому трудностями не считалось. Сколько помню, все мы в интернате были вечно дежурными и заведующими. Кто заведовал печью, кто дровами, кто мусором и т. д. Если надоедало, менялись добровольно или принудительно.

Утром вставали, приходящий воспитатель исполнял с нами стоя гимн СССР и до занятий занимались обычными домашними делами. Гимн пели перед большим портретом Карла Маркса. Если воспитатель не приходил, самостоятельно становились перед портретом на колени и пели слова из анекдота про цыган: – «Да здравствует Кырла Мырла и семь раз в неделю конский базар!». Было весело.

С началом второй четверти переехали в здание интерната. Это был барак на две половины, в одной мальчики, в другой – девочки.

С утра завтрак, школа, обед, а потом головная боль воспитателей – свободное время. Воспитателями были учителя, скорее всего, на общественных началах. Бегали мы от них по всему селу и окрестностям. Иногда забежавшись, пропускали обед, столовая закрывалась, и оставался один выход – совхозная столовая. В те времена она работала весь день, мало ли кто из работников подойдет. Хлеб, соль, горчица, были на столах, чай в чайнике на раздаче. Все это было бесплатным. Глядя, как мы поглощали намазанный горчицей хлеб, работницы столовой проникались жалостью (все они еще помнили голодные военные годы) и приносили нам что-нибудь более существенное. В интернате ругались.

На выходной, кто как мог, ездили домой. Все группами, а у меня попутчиков не было, до моей отары километров двенадцать. Иногда оставался с двумя-тремя такими же невыездыными и мы чудили от полной свободы так, что на утро понедельника разборки в кабинете директора школы были обеспечены. Иногда с участием совхозного начальства вплоть до директора совхоза. Причины были. Чаще всего это походы за дровами.

Отапливался интернат дровами, заготавливали их ученики под руководством учителей. Привезут бревна, свалят, а мы уже пилим, колем и складываем в поленницу. Но дрова зимой мерзлые и сырые – не горят. Взять сухие на растопку, в деревне это означает украсть, негде. У местных жителей все под охраной собак.

Еще практиковался минно-взрывной метод охраны: брали чурку, сверлили в ней отверстие, засыпали в него порох и забивали сучком. Презренный ворюга сам взрывал свою печь. Один раз печь взорвалась у вдовы с тремя малолетними детьми, которая сожгла уже забор и, в лютый мороз отважилась на преступление. А ничего – пуцай не воруют. А что детей, которые намерзшись, лезли греться, чудом не покалечило – сама виновата. Да еще и хозяин охапки поленьев, кстати, бригадир, обязанный эту работницу обеспечить дровами, пришел разбираться с уличенной воровкой и подверг ее при детях физическому наказанию. Административным наказанием было то, что печь ремонтировать отказался другим в назидание.

Так вот, на остающихся на выходной, возлагалась задача добыть на растопку сухих дров. Мы с удовольствием соглашались. Весело, рискованно, да еще и общественно полезно! Посему почетно. Подвиг засчитывался, можно было освободиться от какой-нибудь рутинной работы – мытья посуды, полов и т. п.

В воскресенье лесопилка не работала, сторожа уходили домой потому, что начальство отдыхало, и контроля не было. Днем тащить нельзя, все равно увидят и отберут, любой взрослый над нами командир. Шли ночью. Во-первых, не видно. Во-вторых, мы защищались по-настоящему, а кому охота получить в лоб поленом. Иногда попадались, иногда нет. Но все знали, что, кроме нас, некому. Наказание получали от степени важности пойманного. Сторож мог просто пнуть, ему огласка невыгодна – сам прохлопал. Бригадир, если сторож не родственник, сдавал его вместе с нами директору.

Недавно вспоминали с одноклассником (в миру Валерий Аникьев, прозвище Канера) и другие, как казалось, безобидные шалости. После отбоя в интернате выключали свет, мы тайком пробирались на половину девочек и начинали развлекаться. Они не возражали, т.к. это было интересно всем. У меня была хорошая память на тексты, произведения Гоголя, Твардовского, Пушкина мог читать наизусть. Конечно, ночью да еще у девочек наиболее востребованным был Гоголь. Я в кромешной тьме рассказывал «Страшную месть» или «Вия», а соратники, притаившись за окном, в нужный момент стучали, грохотали или завывали потусторонними голосами. Успешным выступление считалось, если слушательницы падали в обморок. Для пущего эффекта могли ночью принести с кладбища могильный крест и приставить его к окну.

Канера, неистощимый выдумщик, подхватывающий любую инициативу, умел талантливо развить ее в процессе исполнения. Сидел однажды за столом, задумавшись, и грыз красный карандаш. Потом кому-то пришло в голову инсценировать перед девочками (все делалось ради них) кровавую драму. Быстро придумали повод и устроили погоню за Канерой. Набрав в рот воды он забежал на половину девочек мыча и от страха закрывая голову руками (чтоб разжеванного карандаша не видно было). За ним ворвался я в страшном гневе и с ножом в руках. Зная мой необузданный характер, все с визгом разбежались по углам. Крича, что я больше его болтовни терпеть не буду, я налетел на него и отрезал ему язык. Кровь потоком хлынула из его рта! Шутка удалась – в обморок упало сразу несколько свидетельниц.

А то взяли с ним и вырезали в перегородке между комнатами окно для тайных дел. Завесили с обеих сторон стенгазетами, в нужный момент снимали стенгазеты и использовали этот

проем по ситуации. Однажды нам понадобилось через это окно облить друг друга водой. Все бы ничего, но нас застучала его мама, приехавшая навестить сыночка. Сыночку досталось.

Ученицами озорство (или хулиганство) не ограничивалось. У нас постоянное дежурство несли воспитательницы – наши же учителя в свободное от учебы время. Были разные и любимые и не очень. Любимым приходилось труднее – мы боролись за их внимание и пускали в ход все свои таланты и фантазию. Направление все это имело, известно какое. Кроме Гоголя мы начитались Купера, Лондона и им подобных. Как-то должна была с обеда прийти очередная наставница, и мы приготовили ей замечательную встречу. В это время я с ней был в ссоре и ходил сам не свой. Все это видели, и она пыталась помириться, но это был редкий случай, когда я прав, поэтому предпочитал страдать и не шел на сближение, даже грозил наложить на себя руки. Потом мне это надоело, но просто подойти и извиниться казалось банальным, поэтому избрал очень оригинальный и запоминающийся способ. Отопление было печное, труба закрывалась чугунной заслонкой. Сделали петлю, пропустили ее мне под мышки, надели сверху пальто и подвесили меня на эту задвижку. Я высунул покрашенный досиня химическим карандашом язык и замер. Естественно, от такой картины учительница грохнулась на пороге. Все, в страхе от содеянного, разбежались. Я же, кляня себя за глупую выходку, вырвал заслонку с корнем и кинулся ей помогать. Когда, очнувшись, она увидела меня с петлей на шее, то снова потеряла сознание.

Учеба учебой, но жизнь в интернате, сама по себе – эпоха. Атмосферу в ней задает самый авторитетный, т.е. сильный. Иногда им управляют умные. У нас был Женька Богданов, сын управляющего отделением совхоза. Развитой (впечатление, что сразу родился умным), рассудительный парень, умеющий и хулигана остепенить и начальство успокоить – беду от товарищей отвести. Мы были с одного отделения, он на год старше, поэтому меня опекал. Но, учитывая мой анархический характер, делал это мудро, не задевая самолюбия. Отступая от темы, скажу: уже через много лет разлуки я встретил его в армии, оказались в соседних частях. У меня там возникли трудности с сержантом в учебке – поколотил его на почве восстановления справедливости. Сержант еще думал докладывать или нет – последствия грозили печальные. Женьку я по жизни считал наставником и не ошибся, он и там выручил, хотя я просто посетовал на свои обстоятельства при случайной встрече в столовой. Впоследствии, в жизни передрыг хватало. Последний раз я его видел в армии, не знаю, как сложилась его дальнейшая судьба. Думаю, при его врожденной основательности, неплохо. Я же часто уже, будучи руководителем, отвечая за тысячи людей, ощущал нехватку рядом такого надежного плеча.

Возвращаюсь к интернату. Если у отчима получалось, тогда он приезжал по делам в субботу в контору, а мне оставлял привязанную к забору школы лошадь под седлом. Это был мерин по кличке Никанорка. Интеллектом он обладал, не преувеличиваю, человеческим. С ним нигде не могли справиться, т.к. он не любил работать, удовольствием для него была только верховая езда. Из телег и саней выпрягался в три минуты, никакая сбруя его удержать не могла. На ферме умудрялся открывать замок 38-литрового бидона и половину молока выпить, половину разлить. Кто открывал такие бидоны, тот меня поймет. А уж по части порвать мешок с комбикормом, найти и сожрать недельный запас хлеба ему равных не было. Но достоинства его с лихвой покрывали все недостатки. Хотя бы потому, что он мне не раз спасал жизнь. Выезжал я в темноте, часов в шесть вечера. Ехать часа полтора, два – зависело от погоды и дороги. Если метель и снег в лицо, видимости никакой, надежда только на Никанорку, его чутье и желание быстрее добраться в загон к вкусному и мягкому сену. При хорошей погоде ехать одно удовольствие, снег, от которого светло, звезды, дружелюбное пофыркивание Никанорки. Он со мной заигрывал – прихватывал губами за валенок в стремени и пытался тянуть. И это на ходу. Так, играясь, добирались до родной землянки. Несмотря на любовь к младшим сестренкам (только из-за них и ездил), сначала расседлывал коня, обтирал ему потную спину, развешивал седло, узду и войлок (потник) и потом уже шел отогревать вконец оочевевшие

руки, ноги и губы, которыми не мог выговорить и слова. Визг поднимался несусветный, сестры меня тоже любили. Других развлечений у них просто не было.

Раза три или четыре поездки были не такими спокойными. Виной тому волки. Где то на полпути, вдали от жилья, Никанорка вдруг всхрапывал, как-то вздрагивал и несся галопом, не разбирая дороги. Это он, чуя волков, спасал нас от погони. Через километр или чуть больше я уже видел их, а немного погодя, уже и светящиеся их глаза. Что удивительно, никогда не ощущал панического страха, про который пишут всякие джеки лондоны. Может быть, их волки гоняли, когда они были взрослыми, или вообще не гоняли. Нет, наоборот, появлялся азарт, и у нас с Никаноркой была задача – не упасть и успеть. Задача непростая. Скачки по каменистым обледенелым малозаснеженным сопкам – это не красивая выездка на ипподроме. Здесь и камни, и звериные норы, овражки и коряги, спрятанные под снегом, да еще и в темноте. А бегают волки быстрее. Догонят, крышка, сожрут вместе с конем. Такие случаи бывали.

В соседнем совхозе Чиндагатай съели чабана с лошастью. Волки очень умные звери с жесткой иерархической организацией. У них во время охоты каждый на своем месте. Приходилось видеть, как режут овец. И загонщики, и номерные и дозорные. Повинуются командам жоака по первому сигналу. Мы как-то не успели, так они за несколько минут вчетвером 55 голов зарезали и успели удрать. На лошадей и всадников у них свой прием. Передовой волк догоняет лошадь, хватает ее за хвост, пытается задержать. Лошадь напрягается, волк отпускает, и она вместе с наездником летит через голову. Мгновения стае хватает, чтобы наброситься и растерзать обоих. Есть и другие приемы, например, за глотку схватить или ноздри. Но чиндагатаевца съели таким образом. Не помню деталей, в газете писали не то со слов очевидца, не то определили по следам.

Вот, имея такую перспективу, неслись мы с Никаноркой сломя голову. И за оставшиеся 5—6 километров нам никак не успеть. Но чуть в стороне стояла отара соседнего отделения. До нее километра два. Оттуда на шум вылетела стая собак нам навстречу. А собаки на отарах будь здоров. Часто полукровки от волков, но громадного размера, мы на них верхом ездили как на пони. Однажды кобель чабана Швалова по кличке Тарзан в азарте в одиночку угнал стаю и вернулся драный, порезанный, но живой.

Волки, как и большинство хищников, трусливы. Без уверенности в победе не нападают. Здесь они отставали, а Никанорка без моего участия (поводья я бросал и держался за луку седла, чтоб не вылететь) завозил меня на эту отару. Чабаны, встревоженные собаками, уже встречали меня: «Чё паря, однако, волки пуганули?». Отсидевшись полчаса за чаем, пока успокаивался конь, и возвращались собаки, я садился в седло и продолжал путь. Дома и в школе никогда об этом не рассказывал, чтоб не запретили ездить. Чабаны не распространялись – дело-то, обычное! Повторялось это несколько раз. В обратный путь вечером в воскресенье ездил на этом же Никанорке. Приезжал, подвязывал поводья, чтоб не запутались, и хлопал коня по крупу. Умный, он самостоятельно возвращался на отару.

На следующий учебный год мы переехали в новый интернат.

Это уже совершенно другое дело. Комнаты на 3—4 человека, столовая, комната для занятий. Цивилизация. Но удобства во дворе. А об ином и взрослые, побывавшие в городах, рассказывали как о курьезе – дескать, дома гадить ходят, свиньи.

Нас в комнате было трое. Вначале решили поиграть в демократию и расселили всех по собственному желанию. Потом пришлось вмешиваться и расселять. Причин несколько. В основном, неравенство в распределении обязанностей. В нашей комнате, например, был староста, заместитель и дежурный. На постоянной основе. Пока дежурный не попросился в другую комнату. Подселили такого, что дежурить пришлось по очереди.

ГЛАВА 12. ВОСПИТАНИЕ

Изменения произошли после очередной выходки пьяного отчима, которая повлекла за собой едва не трагедию. Вообще-то это, строго говоря, преступление, но в нашей российской действительности до сих пор именуется семейным дебошем.

Было это в выходной, отчим напился и в какой-то момент решил, в ответ на мой неодобрительный взгляд, выяснить степень моей к нему симпатии. До этого успел поколотить мать, перепугав детей. Происходило все в землянке 3 на 4 метра, зимой, спастись было негде. Из людей в километре в бригадном домике временно жили три механизатора, которые пьяного отчима боялись как огня. Сколько мне было в пятом классе? Лет двенадцать. От первого же удара я потерял сознание. Очнулся, когда надо мной с ковшом воды стояла мать, а отчим бил себя в грудь и кричал, что он не достоин жизни. Кураж навел его на мысль, что жизни должен лишиться его я. Он зарядил ружье, дал его мне и приказал стрелять. Перепуганный, я отказывался. Но он не любил когда перечат, а понуждать привык только силой. В общем, избиение продолжилось. Когда я очнулся в очередной раз, то в ответ на приказание в каком-то ступоре в полубессознательном состоянии, выстрелил. С диким криком, что убедился в своей правоте, он выхватил ружье и ударом приклада в лоб уложил меня на месте. Патрон оказался холостым, каких много снаряжалось для отпугивания волков.

Очнулся весь в крови на полу, мать лежала без сознания, девочки забились в угол, даже не плакали. Отчима не было. Надо было что-то делать. Попробовал встать и не смог, был очень слаб. Выбрался на улицу и где ползком, где на полусогнутых, добрался до бригадного домика. Мужики еще не спали, кое-как обмыли меня, чем-то перевязали (кость проломлена, шрам на лбу остался на всю жизнь), согрели. Но идти к нам на помощь наотрез отказались. Чуть оправившись, я побрел обратно. Отчима не было, мать затирала следы побоища, увидев меня, чуть снова не упала в обморок, заплакала. Не плакала никогда, даже когда отчим немилосердно избивал ее. На моей памяти второй раз. И прошлый раз по такой же причине.

После второго класса, в первый день летних каникул, я босиком напоролся в траве на рваное листовое железо. Все лето пропрыгал на маленьком стульчике для дойки коров. Однажды отчим, избив мать, кинулся на меня, т.к. я просил ее не трогать. Убежать я не мог, схватил рядом лежащий молоток и хотел отбиваться. Но что может хромой 9-летний мальчик. Финал предсказуем. Тогда я видел ее плачущей первый раз.

Когда я сейчас читаю рассуждения защитников нашего патриархального уклада жизни с осуждением ювенальной юстиции, сразу вспоминаю свое счастливое детство и понимаю, что эти мудрецы и сотой доли жизни нашего народа не знают. Но их убеждать бесполезно, если они же, понимая, что в произведениях Бунина, Ширяева, Шаламова и Солженицина нет, ни слова лжи, и эти люди все пережили сами, упрямо будут превозносить карателей и бороться за их памятники. Это патология.

Возвращаюсь в землянку. Наутро проснулся от лихорадочной дрожи, зуб на зуб не попадал. Ночная прогулка даром не обошлась. Было уже светло. Сестренки сбились в кучку на своих нарах и затравленными глазенками с ужасом смотрели на меня. Еще бы, голова в тряпках, лицо в запекшейся крови. Вышел по нужде на улицу и увидел, что собаки выгрызают снег с кровавого следа, который я оставил в направлении бригадного домика. И здесь со мной случился нервный срыв. Не помня себя, влетел в землянку, схватил ружье и патрон-таш, начал расстреливать собак, затем побежал в сторону домика убивать мужиков за то, что они ночью даже не попытались спасти детей. Запнулся, упал, потом на меня навалилась мать, успокоила, забрала ружье, увела в землянку. А мужики, услышав выстрелы и собачий визг (двух все же ранил, плакал потом, прощения просил), решили, что вернулся отчим и убежали пешком в деревню. Они и рассказали там о происшествии.

Отчим же, думая, что убил меня, просто сбежал. А поскольку, не убил, и заявления не было, никто его и не искал. Ближайшее отделение милиции было за сорок километров, да и то не наше и мы туда годами не ездили. На чем и зачем?

Меня на завтра увезли все же в больницу в село, лечили там от простуды и заживляли раны. Школьники приходили меня навещать, но мне было стыдно, и я всех посылал в грубой форме.

На отару назначили срочно другого чабана и нас перевезли жить в 4-х квартирный щитовой барак на 3е отделение. Больная, полуживая мать пошла на ферму дояркой, семью надо было кормить.

ГЛАВА 13 ФЕЙЕРВЕРК

До лета прожили спокойно, мать работала, я учился. Теперь было веселее, из интерната домой добирались большой, человек 5—7, группой. Разными способами. Один из них – это с почтальоном на санях. Почтальоном был прихрамывающий дед Витьки Полякова (на охоте отморозил ноги, чтобы избежать гангрены, накалил на огне нож и сам отрезал себе пальцы). Мы приходили на почту, пока ее готовили, дед, с мороза пригревшись прямо в тулупе, дремал, мы терпеливо ждали. Потом будили деда и ехали домой. По дороге спрыгивали, грелись на бегу и опять в сани!

Но однажды, потянули за рукав деда, а он упал. Оказалось, умер. Он был запойный, говорили, что бабка не дала ему утром опохмелиться, и сердце не выдержало. Кто ставил диагноз неизвестно, на весь совхоз была одна фельдшерица Евгения Степановна. Как у нее было с кардиологией, не знаю, но отмороженные уши она нам не раз спасала. Деда похоронили, ездить стало не с кем. Нового почтальона не нашли, почту стали передавать с оказией.

Единственным способом передвижения остались лыжи. Немудрено, что в последующем на всех соревнованиях мы отхватывали призы. Бывали и приключения. Как-то начиналась пурга, но нам не запретили идти домой, забыли. Женя Богданов оставил девочек, а нас повел, решив, что до пурги проскочим. Метель застигла нас на середине пути. Дорогу замело, видимость нет, снег в ушах, глазах, за воротником, дыхание забивалось. Скорость снизилась, вспотевшая спина стала мерзнуть. Руки, ноги тоже. Бойцы начали плакать, садиться в снег от изнеможения. Мы бы не дошли, если бы Женька упал духом. Но он держался до конца. Уговорами, подзатыльниками, на себе по очереди, довел нашу ватагу до цели. И сам же пострадал как старший и заводила. Старше меня он был всего на год.

После окончания учебного года мы часто ходили на местные озера рыбачить. Особенной популярностью пользовалось озеро Светленькое. Вода в нем всегда чистая, видимо из-за подземного питания. Даже свиноферма неподалеку не портила его. Глубокое и почти идеально круглое, метров 100 в диаметре. Мы забавлялись – подбирались незаметно к свиньям, когда они паслись близко от обрывистого берега, с гиканьем вылетали и пугали. Свиньи срывались с обрыва в воду, потом плыли к пологому берегу метров пятьдесят, чтоб выбраться. А мы удирали от свинарей. Кнуты у них были длинные. Иногда догоняли, а если на лошади, то гнали до самой деревни. Прибегали домой с исполосованными спинами. Там многим добавляли родители.

А рыбачили на удочку на червя или корчагами. В корчаги для приманки годилось все, особенно кости – они белели в воде и этим привлекали рыбу. С костями проблем не было. Рядом были какие-то траншеи, в них было полно человеческих скелетов, почти на поверхности. Мы их откапывали, черепа уносили на кладбище людей пугать, мелкие кости применяли как приманку для рыб. Происхождение скелетов было толком неизвестно, взрослые на вопросы отвечали по-разному и с оглядкой, сквозь зубы. Основная легенда была о боях красных с атаманом Семеновым в Гражданскую. Мы в это верили. Сейчас я думаю, что это не так. После Гражданской прошло сорок лет, кости бы истлели, да и вряд ли на линии обороны осталось столько убитых. Кроме того, в Гражданскую убитых все же хоронили по-человечески. Скорее всего, это были могильники ГУЛАГа. Сохранность скелетов подтверждает эту версию. И времени прошло каких-то 10—15 лет всего и закопаны небрежно и местным до них дела нет. Да и относиться так к покойникам стали уже после массовых расстрелов и войны. Хотя утверждать не берусь, не специалист. Но в пользу моей версии говорит то, что мы не находили никаких воинских примет: патронов, значков, оружия и т. д. Недалеко от села, где действительно семевцы отсиживались в обороне, всего этого было полно. А человеческих останков не было.

Озера приходилось делить с ребятней из соседнего села Селинда, они были посредине. Мирное сосуществование продолжалось недолго и приходилось ходить ватагами, чтоб не побили. Их деревня больше, нам доставалось чаще. Зато рыбалка, сопряженная с опасностью, стала привлекательней, теперь, кроме удочек и лопат для копки червей, носили с собой кастеты, свинчатки и прочее оружие. Но однажды, когда мы удирали от превосходящих сил противника, Ваньке Баранову разрубили острием штыковой лопаты спину до самого позвоночника. Я его обидчику проломил камнем голову. После этого собралось начальство и объявило, что озеро наше, т.к. находится на территории нашего совхоза. Оппоненты объявлены вне закона и теперь могли пользоваться озерами или тайком или нашей милостью. Но мы их редко жаловали.

Там же и охотились на водоплавающую, ружья были в каждом доме, учета не было. Правда, простенькие одноствольные дробовики, но для забавы их хватало. Возрастных ограничений и учета оружия не было и в помине. Оружием для взрослых считалось нарезное. Один раз мы с Витькой Поляковым стащили у его отца еще дедовский шомпольный дробовик неизвестного калибра. Это пушка около 30 мм диаметром ствола, заряжающаяся прямо через дуло. Засыпается гость пороха, пыжуются, затем полстакана дроби, опять пыжуются, потом устанавливается капсюль и снаряд к бою готов! Эффективность зависит от количества боезапаса. Мы меры не знали, не поскупились. Витька как хозяин решил стрелять первым. Встали за кустами, дождались, когда сядут утки, Витька приложился и бахнул. Такого грохота в этих местах не было со времен Гражданской, все заволочило черным дымом. Озеро было накрыто дробью все! Штук 5 уток наповал, около десятка подранков. От уток меня отвлекли Витькины вопли. Он, сбитый с ног отдачей, держась за плечо, катался по земле. До деревни километра три, но там услышали, и уже отец Витьки несется на велосипеде чинить расправу – по звуку узнал свое ружье. У Витьки плечо посинело и болело месяца два, заряд мы заложили двойной.

Летом нарисовался отчим, как ни в чем не бывало. Ему дали какую – то работу и жизнь вошла в прежнее русло. Пьянки, побои, утренние раскаяния и вечерние возлияния. Кончилось совсем плохо. Как-то днем, мать была на работе, я прибежал с ребячьих игр покормить сестренку. Захожу в дом, а там пьяный отчим пытается их приласкать. Нежность напала. Но они его боятся как огня и не идут. Старшей 6 лет, средней – 4, младшей – 2. Увидели меня, кинулись на улицу. Он схватил среднюю (считалась его любимицей), чуть ли не за ногу и забросил ее на печь (благо лето и она холодная). Кинулся ко мне, я увернулся, схватил Людку (младшую) и на улицу! Все нормально, дети ушли к соседям, а я побежал доигрывать, обедать же негде. Примерно через час видим – поднялся дым в нашей стороне. С криками: – «Ура! Пожар!», мы со всех ног кинулись туда. Горел наш дом. Был он четырехквартирный, щитовой. Отчим свалил на середину квартиры вещи, облил соляркой, поджег. Сам встал в дверях с топором, чтобы не тушили. День, взрослые на работе, три-четыре приключившихся мужичка подступиться не могут. Когда из-за дыма ничего не стало видно, в раскрытое окно запрыгнул недавно демобилизовавшийся парень, Митька Кочнев, сзади чем-то огрел отчима, подоспели другие, скрутили. Пожар потушили, соседей спасли, а у нас даже фотографий не осталось, не говоря о вещах.

Судили его в Кличке, – руднике в 40 километрах. Нам дали машину и мы были не пострадавшими, а свидетелями. Дали за порчу социалистического имущества (дома) кажется, 5 лет. А за нас ничего не дали.

Так я стал взрослым и главой семьи.

ГЛАВА 14. БДИТЕЛЬНОСТЬ

Как трудно бы не приходилось в детстве, но в нем всегда найдется место для загадок, приключений и шалостей.

Жизнь после пятого класса была до отвращения скучной. В самом деле, уже неделя летних каникул и ни одного мало-мальски значительного события!

Сакман закончился, до сенокоса еще целый месяц, а повседневные обязанности по уходу за скотиной и присмотру за младшими детьми надоели до чертиков. Нам с Генкой Фартусовым, сыном местного конюха уже хотелось сбежать из дому. Только не могли придумать куда. Сидели и рассуждали вслух за стенкой сарая, вспоминая приключения всех книжных героев. Конечно, сравнивать было трудно. Тем повезло родиться в интересных странах и краях, где море, горы или пустыни. Или в интересные времена с пиратами, партизанами и первопроходцами. Не захочешь да совершишь подвиг. А ты в нашей дыре соверши. Все открыто, завоевано, изучай в школе, как другие твое счастье обеспечили, и жди неизбежного коммунизма. Тогда еще тоскливее будет. Ничего делать не надо, все за тебя машины сделают. Захотел пить или есть, нажал кнопку, машина сама определит, что ты хочешь и сколько тебе положено. Ты только совершенствуйся духовно и физически. А для чего совершенствоваться, если все равно не потребуется? Я предложил не ждать с моря погоды, а пока еще коммунизм не наступил, использовать свой шанс. Надо что-то срочно делать, например, бежать. А жизнь покажет, и приключения сами найдутся.

В сарае сидел отец Генки, дядя Елизар, плел уздечку и беззвучно хохотал, чтобы не спугнуть мальчишек. Чем их отвлечь? Все, что можно показать в деревне, они уже видели. Увлечь чем-то новым сложно, все, что положено в их возрасте, умеют. Сейчас полезут от безделья и любопытства, куда не следует к лошадям или машинам и смотри потом, чтоб не свернули себе шеи. Вон уже бежать снарядились. Пора вмешиваться.

В конце рабочего дня на конюшню пришел новый учетчик сдавать на ночь в табун лошадь. Елизар уважал приезжего. Из коротких разговоров знал, что тот работал в городе следователем. По состоянию здоровья дочери переехал в село, чтобы обеспечить ей свежий воздух и парное молоко. Пожаловался ему на безнадзорность детей. Семен Григорьевич заинтересовался и предложил свой план.

Вечером после ужина отец, разговаривая с матерью, вполголоса, чтоб не услышал Генка, озабоченно сетовал:

– Вот убрали у нас отделение милиции за ненадобностью, оставили участкового. А он один на десяток сел. За год ни разу здесь не был.

– Зачем он тебе. Все спокойно, вот его и нет. Мы сами здесь за порядком следим. У нас, кроме пьяниц, никаких преступников нет. А с ними управляющий неплохо разбирается. Недавно такого здорового поставили. После того как Юрка Кузнецов в холодном амбаре пару раз до утра протрезвился, никто уже не дебоширит.

– Да меня не хулиганы беспокоят. Живем возле границы, мало ли что может случиться.

– Да что ты несешь? Граница с Китаем, они нам друзья.

– Они-то друзья, слов нет. А ты видела эту границу? Это же сплошная дыра, а не граница. Вон в Старом Цурухайтуе ребятишки на ту сторону Аргуни переплывают. А ну как японцы воспользуются? Мы же здесь их от китайцев не отличим. Такого натворят. Или завербуют кого. Ты уверена, что все люди надежные? У нас вот учетчик появился Семен Григорьевич. Откуда приехал не говорит, больше двух слов кряду от него не услышишь. Полгода живет как тень. Что у него на уме никто не знает. Я конюх, не мое дело за ним смотреть. Тут специалист нужен, с подготовкой.

– Да брось ты, кому надо присмотрят. В деревне глаза везде, мигом сообщат куда следует.

Генка, не подавая виду, все это прослушал, суча ногами от нетерпения. Через десять минут он уже вызвал меня условным сигналом и увлек за сарай, в котором сидел, довязывая уздечку, его отец.

– Ты представляешь, Вовка, что делается? А ты сбегать, времена не те, место скучное, родились не так! Куда уж интереснее, на границе живем. Батя же сказал, неважно, чья граница, использовать ее любой враг за милую душу может.

– Да что здесь можно выведать? Сколько баранов в совхозе или тракторов?

– Сам ты баран! Ты читал, что в войну немецкие карты нашей местности ценили за то, что они подробнее наших? Тоже ротозеи местные думали, что нечего разведывать. А они просто местность изучают, по которой технику гнать будут. Не хочешь, не надо, помощники найдутся. Да, если хочешь знать, то по сокращению поголовья баран тоже можно определить, как армия снабжается, и в какой зоне воевать будет, холодной или теплой.

Я возражал от того, что не мне пришла в голову идея, а согласен был с версией друга на сто процентов. Перспектива быть отстраненным враз остудила во мне дух противоречия.

– Давай, разболтай всему селу! Завтра же этого учетчика здесь не будет. Я ведь не отрицаю, я сомневаюсь. Все сыщики и разведчики считают первым делом рассмотреть все версии. Давай так. Никому не говорим. Изучаем его поведение, образ жизни, контакты. Он мог завербовать местных. С них тоже глаз не спускать.

Елизар уже веселился вовсю, боясь захохотать и выдать себя. Теперь вся деревня будет под контролем.

Генка рассуждал:

– Первое что нужно сделать – это войти в доверие к Вальке, его дочери. Если осторожно себя вести, от нее много чего узнать можно.

– Вот ты ею и займись. Терпеть их не могу. Начнет задаваться, схлопочет по шее, и все дело провалим.

– Ладно, если у тебя нет выдержки, беру ее на себя. Ты за отца отвечаешь. Я уже понимаю, почему он учетчиком устроился. Самая работа для составления карт. Он поля и пашни меряет, когда наряды выдает, и работу принимает. Пойми, что там, в тетради за таблицы. Зашифровать все запросто можно. Ты при случае и в тетрадь загляни. Эх, жаль, фотика нет! Ладно, времени нет. Завтра в это же время на этом месте подведем итоги.

С этого дня жизнь стала интересной и захватывающей не только у сыщиков, но и в их семьях и семьях подозреваемых. А круг последних расширялся. Я не спускал глаз с главного шпиона, а Генка едва успевал за контактерами. Елизар в условленное время выслушивал отчеты, планы действий и делился этим с Семеном Григорьевичем.

Уже на следующий день друзья убедились в справедливости подозрений.

– Ты представляешь, не успел я Вальке похвастаться, чтобы войти в доверие своим пистолетом, как она себя выдала. Спросила, какая система, раскритиковала ствол. Стала мне объяснять, чем отличается «ТТ» от «Макарова» и рассказала про типы патронов и калибры. Когда спросил, откуда она про это знает, заткнулась. Я не стал спрашивать, чтоб не спугнуть. Видно всей семьей орудуют. Это верняк. Вот ты сильно в этом разбираешься? А она девчонка. А у тебя как?

– У меня яснее ясного. Ты думаешь, сколько лет этому учетчику?

– Ну, лет тридцать пять как моему батю.

– Точно, старик уже. А твой батя сколько раз на турнике подтянется? Ты его попроси, пусть покажет. А этот лось на турнике подъем переверотом свободно делает и одной рукой подтягивается. А канаву, которую он перепрыгнул, я потом замерил. Два, двадцать – не хочешь?!

– Да, крепкий орешек. Может быть, заявить на него?

– Ты что спугнуть хочешь? А если ошибаемся, нас потом вся деревня засмеет. Даже если не ошибаемся, пока у нас никаких заслуг нет. Ну, похвалят. Тебе этого хватит? Нет, надо его на деле застукать, а там видно будет.

ГЛАВА 15. СОБЫТИЯ РАЗВИВАЮТСЯ

Жизнь под колпаком оказалась непривычной. Семен Григорьевич теперь постоянно должен быть начеку. Приходилось учитывать, что на виду. Это здорово дисциплинировало. Вспомнилась армия, там тоже нужно всегда соответствовать. Теперь он не мог себе позволить по утрам пропустить пробежку, зарядку, стал больше времени проводить на сельском стадионе. Случайно встречаясь с ребятами, напускал на себя загадочный вид, то сосредоточенный, то закрывал глаза и шевелил губами, будто что-то заучивая или подсчитывая.

Все это усиливало наши подозрения. Мы уже в каждом его поступке усматривали преступные намерения и специфические приемы. Окончательно утвердились после рассказа тракториста Генки Коренева о том, как он принимает участки после обработки. Все привыкли видеть учетчика с саженью для замера площади. Это деревянный циркуль с двухметровым шагом, которым замеряется длина и ширина, потом проводятся расчеты. А новый учетчик никогда сажень не носил. Подъезжал к пашне, замерял глубину линейкой, называл площадь. Если тракторист требовал замерять, он спокойно говорил: – «Тебе надо, ты и меряй». По-своему, как принято в деревне, с ним никто разбираться не отваживался. В поведении его чувствовалась уверенность, а мускулистая хорошо сложенная фигура не предвещала легкого исхода. Несколько раз после безуспешных походов к начальству трактористы сами делали замеры, но результат был неизменно точным. Над этим фокусом все ломали голову, а слава о необыкновенных способностях облетела всю округу. К тому же он множил в уме любые цифры, записывая в тетрадь только результаты.

На очередной планерке, после двухнедельных неустанных бдений, мы записали себе в актив новые разведданные – умение мгновенно засыпать и просыпаться от взгляда без всяких шорохов. В этом я убедился, когда подкрался к нему на полевом стане. Только что идущий впереди шпион, прямо перед моим носом, уже храпел в копне сена. Заглянув и убедившись, что это он, я бесшумно начал обходить копну, и вдруг был схвачен за шиворот как щенок и поднят одной рукой на уровень вражеского лица.

– Ты что здесь делаешь? А, это ты Вовка! Заблудился что ли?

Онемев от ужаса, я не знал, что отвечать и как себя вести. Учетчик поставил меня на землю, похлопал по плечу.

– Да не бойся, это я спросонья, ты меня врасплох застал. Посиди здесь, на поле схожу, и вместе домой пойдем.

Вышел на угол поля, поставил перед собой большой палец вытянутой руки, посмотрел в одну сторону, затем повернулся, так же посмотрел на другую сторону поля через палец, что-то записал в тетрадь и махнул мне. Три километра шли молча, только два раза учетчик неизвестно откуда появившимся у него камнем на ходу сбил с далекого расстояния сусликов, столбиками высматривающих опасность. Такого я еще не видел, но уже не удивлялся, понимая, с кем имею дело.

Генка добавил к этому, что все же упробовал отца показать свое умение на турнике. Тот посмеялся, сказал, что в армии солнце крутил, а сейчас и подтянуться не может. Потом, когда ходил к Вальке, увидел, что ее отец за пристройкой во дворе ходил на руках. Как увидел Генку, сразу перестал.

Я сказал, что вроде все понятно, но улик по-прежнему нет.

– Тебе все мало? Да я любого могу убедить в его подозрительном поведении. Смотри, специальная физическая подготовка – раз, умение определять масштабы и размеры площадей без вспомогательных устройств – два, способность производить сложные математические расчеты в уме – три, постоянный контроль над ситуацией в любом состоянии – четыре, знание членами семьи военной терминологии и систем оружия – пять, подозрительное для городского

умение обращаться с лошадьми – шесть. Я тебе могу перечислять до вечера. Понятно, что у нас под боком возле границы внедрилась целая группа вражеских лазутчиков во главе с особо подготовленным матерым диверсантом. Еще неизвестно семья это или действующая под прикрытием группа. Ты где-нибудь слышал, чтобы муж с женой друг друга по имени-отчеству называли? Пора сдавать.

– Да что ты заладил? Я с тобой что, спорю? Не дурак. Но улик нет, с поличным не взяли. Что ты скажешь? Что он прыгает хорошо? А если он чемпион по прыжкам или метанию копья?

Давай еще поработаем. Ты к ним вхож уже, разведай, не занимался ли он спортом, посмотри кубки, медали, фотографии. Неплохо бы рацию найти. Но это вряд ли. Не простачок. Поинтересуйся у Вальки про знание языков. Только осторожно, не проколишь, не забывай, что в западне можешь оказаться, если что. Да еще. Мне мать уже вчера по шее надавала за то, что пороссятам и курам корму не дал и сестренкам не сварил. Так и засыпаться можем. Я же весь день на хвосте. Давай завтра с утра пораньше сварю макароны, а ты после обеда насыпь из кладовки пороссятам. Если сестренки спросят про меня, наври что-нибудь.

– Ладно, своих буду кормить и твоим задам.

Получив свежую информацию, Елизар, направился на конюшню готовить лошадь для учетчика.

Погода испортилась, пошли дожди, животноводы, кляня ненастье, облачились в клеенчатые и брезентовые дождевики, в резиновые сапоги, а полеводы убивали время как могли. Чаще всего находили повод сойтись у кого-нибудь за бочонком бражки и рассказывать байки про свои похождения. В основном это были молодые механизаторы, поднимающие целину на своей малой родине. Те, что постарше и повидали свет, прошли войну, с ними не водились, о пережитом не рассказывали, многие старались его забыть, а не ворошить. Для этих же «бывалых» выезд в город уже был настоящим приключением, об этом вспоминалось годами. Иной о недельном пребывании мог такого навспоминать, что не каждому горожанину за всю жизнь доведется пережить. Тут и коньяки с запахом клопов, о которых говорилось с гримасой отвращения и вожделенное пиво, которое половина рассказчиков в жизни не нюхала и героизм, проявленный в драках с бандитами один на десятерых и многое другое. Наличие паспорта для них уже было предметом гордости и признаком исключительности. Его получали люди, которым приходилось выезжать по важным делам. Это выезд на лечение или по путевкам на отдых, что случалось очень редко и больше касалось руководителей хотя бы среднего звена.

Когда женщинам надоедал табачный дым и те выгоняли их из избы, то забирались под любую крышу от дождя – в сарай или стайку и начиналась финальная и таинственная часть повествований уже порядком набравшихся собутельников «про баб». Тут уже не до шпионов и наши герои ловили каждое слово, чтобы потом все это пересказать приятелям. Так и ходили потом легенды по округе, участникам присваивались клички, не всегда заслуженные, но меткие, некоторые навечно. Так в деревне появлялись «Козлы», «Жеребцы», «Недоноски», «Балаболы» и прочие.

Объект наблюдения сидел дома и занимался скучными делами. То починит забор, то воду привезет и заполнит бочку в сенях, то книжку читает. А все свободное от дел время спорт. В сенях у него стояли четыре двухпудовых гири. Начинал упражнения с одной, а заканчивал всеми, поднимая и даже жонглируя. Однажды, когда думал, что никто не видит, схватил жену или, кто она ему там, поднял на вытянутые руки, и, смеясь, посадил на крышу навеса. При этом они продолжали называть друг друга по имени-отчеству, из чего друзья заключили, что они так маскируют отработку специальных приемов необходимых в их основной деятельности. А ради чего еще восемьдесят килограммов над головой крутить? Забот добавило то, что к нему стал приезжать на красивой гнедой лошади человек из соседнего колхоза, располагающегося ближе к границе. Понаторевшие в деле слежки и прочитавшие по теме уйму книг, ребята безошибочно определили в нем связника. Дело осложнялось тем, что слежку за чужаком трудно было

осуществить, не навлекая на себя подозрений. Пришлось искать повод и наведаться в Селинду для выяснения личности нового фигуранта. Как и следовало ожидать, этот тоже оказался темной лошадкой. Приехавший неизвестно откуда, работал заведующим фермой в колхозе, а сюда приезжал якобы для отработки маршрута совместного отгона скота на Борзинский мясокомбинат. Слово «маршрут» сразу поставило все на свои места. Объединенные гурты скота отгонялись каждый год одними и теми же людьми, которые все эти маршруты знали наизусть. Да спроси дядю Пашу Галанскова и он тебе без всяких карт расскажет о каждом водопое и выпасе на всем двухмесячном пути. Понятно, что это делается, чтобы возню с картами оправдать. А когда они прощались на озере Светленьком, ребята видели как, бравируя, стреляли в уток, держа ружье в одной руке. Никто не промахнулся.

ГЛАВА 16. КОНЦЫ ОБРУБАЮТСЯ

Неожиданно семья учетчика исчезла. На дверях висел замок, чего в деревне никогда не было, а за скотиной ухаживала тетя Шура Ланчакова, соседка с другой стороны. Я спросил у ее сына Вовки Макилы, где соседи. Тот, глядя своими дебильными глазами, сосал палец и пытался вникнуть в суть вопроса. Поняв, что ответа не добьешься, отважился спросить у самой тети Шуры. На что та разразилась визгом с обвинением в попытках напакостить пока хозяев нет дома и угрозами оборвать уши, если увидит их близко от двора. Вовку Макилой звали за то, что он до десяти лет в магазине просил «сахару макила» (полкило), а мать в развитии опередила его не намного. Приходилось до истины добираться путем логических размышлений. Неоднократные ненавязчивые упоминания об исчезнувшем соседе отец Генки игнорировал. Это было непонятно, в деревне все обсуждается, а тут такое безразличие, как будто каждый день односельчане целыми семьями пропадают.

За сараем царила паника. Взрослые молчат. Почему? Объяснений немного: или боятся или заодно с преступником. Мне эта догадка пришла в голову после нескольких попыток добыть информацию из разных источников. Даже наша первая учительница Валентина Семеновна, которая давала ответы на все вопросы, вдруг уклонилась от разговора и, отговорившись нехваткой времени, ушла доить корову. Никогда еще корова не была для нее важнее учеников. Потом на эту корову кричала так, что та выбила у нее подойник. Явно нервничает. Предстояло выяснить, кто из односельчан уже завербован, а кто просто запуган. Поводов для шантажа много. Тут и тайный вынос доярками молока с фермы и кража комбикорма для свиней, чем грешат все. Иначе откуда у всех откормленные свиньи? Комбайнеров можно схватить за руку на зерне. Все тащат отовсюду, потом обмениваются. Отсюда круговая порука. Это опытный диверсант всегда может использовать. Но учитель, библиотекарь, бухгалтер и другие, кто не держит хозяйства и не ворует? Как они попались и на чем? Возможно здесь и разгадка. Враг не глупец, он видит, кого запугать, а кого завербовать. Теперь все встало на свои места, хотя и разочаровало. Самые уважаемые люди оказались пособниками. Их, не имеющих домашней скотины, было немного. Но они были самыми умными и образованными. Нужно было срочно принимать меры. Не прозевали ли они измену и вражеского лазутчика? Может быть, он уже выполнил задачу, и группа снялась и больше здесь не появится. Тем более, нужно торопиться. Но в селе обратиться не к кому.

Елизар после очередной планерки забеспокоился, не переборщили ли они с соседом. Эти энтузиасты от безделья и под монастырь могут подвести. Еще свежи в памяти события, когда люди не за нюх табаку бесследно исчезали. Он сам получил расстрельный приговор, замененный на штрафбат, о чем никогда не рассказывал даже членам семьи. Они стояли на монгольской границе и вымирали от голода, когда фашист рвался к Москве. Решили с другом и земляком пробираться на Западный фронт после нескольких отказов о переводе. Да начальство и не могло разрешить, рапорты писали все. Двум малограмотным восемнадцатилетним деревенским парням удалось за месяц добраться до прифронтовой зоны, где они, объявившись, попали в органы контрразведки и получили высшую меру за дезертирство. Спасибо еще, что после войны не загребли, как это было со многими. Нашли чем играть! Еще пацанов в антисоветчину втянуть осталось. Завтра придет Семен Григорьевич и надо заканчивать эту патриотическую самодеятельность. Тем более, что через неделю сенокос начинается и ребятам будет не до шпионов.

События следующего дня развивались так стремительно, что Елизар не успел вмешаться. Его отправили встретить и привезти из центральной усадьбы совхоза в Бутунтае учетчика возвращающегося на автобусе с вещами из поездки. Это пятнадцать километров. Генка увязался за ним, и поговорить о ребячьих забавах не удалось. Главному сыщику сразу показалось подо-

зрительным, что Семен Григорьевич приехал один. Худшие предположения оправдывались. На их сленге это называлось «обрубить концы». Сейчас он здесь законсервируется, раздаст задания пособникам и исчезнет навеки. Что его отец замешан, он убедился, когда тот вполголоса задал вопрос, как будем заканчивать наши шпионские развлечения. На что получил ответ, что все обдумано, приедем, расскажу. Это так взволновало Генку, что он чуть не сорвался. Обнаглели, уже и не скрывают, что занимаются шпионской деятельностью. Только чувство ответственности удержало от необдуманных действий. Растерявшись, он не мог понять как его отец бесстрашный фронтовик, мог попасться на удочку этого проходимца. Потом решил, что его дело спасти Родину любой ценой, даже если придется заплатить жизнью как Павлику Морозову. Когда приехали, он соскочил с телеги и убежал, сдерживая слезы от разочарования и обиды. Я, услышав новости, наоборот, воспрял духом. Заявил, что теперь полная ясность и проще разработать план реализации по нейтрализации изменников. Генкино горе мне было не понятно, сам рос без отца и все эти сюсюкания не воспринимал всерьез. Решено было установить с этой минуты непрерывную тайную слежку за обоими, чтобы не упустить момент их встречи и выведать планы. При этом я решил, что буду наблюдать за дядей Елизаром, как лицо беспристрастное, а за резидентом Генка. Уже стемнело, когда нам возле конюшни, куда привел лошадь Семен Григорьевич, удалось услышать обрывки разговора преступников. Поняли, что завтра после обеда учетчик едет размечать покосы и на зимней пустующей отаре Каргиных в погребке сделает закладку, а дядя Елизар должен обеспечить КАРТУ. Что это значило, предстояло выяснить. Но уже понятно, что медлить нельзя, место известно, нужно брать с поличным. Радовало, что с самого начала были на верном пути. Цель работы диверсанта именно карты.

ГЛАВА 17. ЗАПАДНЯ

Здесь доверять некому, управляющий ненадежен, значит, только директор совхоза может принимать правильные решения. Директором был Чередниченко, пожилой высокий мужчина, всегда категоричный, умеющий одним взглядом вогнать в пот пацанов из интерната, когда на них жаловались воспитатели. Он обычно возмущался, выговаривая с украинским акцентом: – Шо це таки, днем сплят, ночь гулят? Вам все условия зоздали, а вы с жиру беситесь?

Обычно его карательные меры долго вспоминались, и угроза пожаловаться самому директору на ребят действовала.

Кроме него других властей на обширной территории совхоза не существовало. О милиции они лишь слышали как о чем-то абстрактном, находящемся в Кличке – руднике в пятидесяти километрах от них. Кто побывал в этой самой Кличке, уже считался человеком повидавшим свет.

Каргинская стоянка располагалась в пятнадцати километрах от их села и в семи от центральной усадьбы совхоза в урочище Кадарча. Место хорошо знакомое нам, туда привлекали высокие, местами отвесные скалы. Проявляя смелость и ловкость, ребятня забиралась на них, чтобы доставать из гнезд птенцов филинов, а то и орлят. Потом во дворах пытались их растить, что заканчивалось гибелью несчастных жертв. Иногда родители орлят нападали на похитителей, приходилось отбиваться, держась на еле приметных выступах и рискуя сорваться. Я однажды прыгнул с десятиметровой высоты, чудом не переломав ноги.

Если идти вначале в Бутунтай, то можно упустить закладку, а это улика. Поэтому решено было идти сразу в Кадарчу, дожидаться учетчика, потом, убедившись в закладке и его отъезде бежать к директору. Лошадь в Кадарче неизбежно привлечет внимание, значит, все придется проделать пешком. До обеда нужно успеть.

Утром мы двинулись в путь, прихватив с собой узелок провизии на день и фляжку воды. Родителям сказали, что пошли набрать мангыру для засолки и указали другое направление. Их похвалили и отпустили.

Когда подходили к месту назначения, солнце было уже в зените, донимала жара и пауты. От оводов можно было спастись только бегством, а на жаре не очень-то побегаешь. Спасала хитрость. Когда над головами роилась уже целая туча насекомых, делали быстрый рывок и убежали. И так всю дорогу.

На стоянке никого не было. Надо было спешить. Каргин, старый чабан, был человеком хозяйственным, и погреб его мог служить образцом надежности. Вырытый в склоне пригорка бункер размером метра на два вглубь и метра на два в ширину был обшит изнутри листовым железом для защиты от норных животных и снабжен надежной дверью из листовенницы. Сейчас он был открыт для просушки. Мы проверили засовы, им пришла в голову смелая мысль. Колька предложил закрыть шпиона в кладовой и сдать его директору и «органам» тепленьким. Рискованно, конечно, но зато осечки не будет. Даже если он там съест свою закладку, все рано наши органы из него все вытрясут. Договорились спрятаться за выступом скалы в расщелине, в которой часто прятались от грозы и выскочить оттуда, как только враг войдет в погреб. Накинуть засов – дело одной секунды. И ходу, чтоб не пристрелил через дверь.

Когда по дороге между редкими деревьями показался всадник, нас трясло от волнения в ознобе, несмотря на пекло, царившее в степи. Мы не глядели друг на друга, чтоб не выдать собственное состояние. Тем не менее, как только всадник спешился, достал из сумки сверток величиной с ученический портфель и скрылся в кладовке, я сорвался с места, захлопнул дверь и опустил кованый засов. Отпрыгнул в сторону и остановился. Генка вышел из укрытия и, не приближаясь, ожидал команды. Из подземелья раздавались глухие крики и стук в дверь. Выстрелов не было. Не дурак, боится, что рикошетом от металла обшивки самого может заце-

пить. Со всех ног бросились прочь. Потом я остановился и повернул назад. Отвязал лошадь учетчика, вскочил на нее и подъехал, приглашая Генку сесть сзади. Так «всундалдой» мы через полчаса уже прискакали к конторе совхоза.

Возле конторы стоял директорский ГАЗ-69, у коновязи его лошадь. Значит на месте. Сыщики робко вошли в кабинет большого начальника.

– Вы откуда, ребята, кто прислал?

– Да мы сами. Мы с третьей фермы.

– Ну, говорите быстрее, времени нет, я как раз к вам на третью на собрание собираюсь.

– Да у нас разговор тайный.

– Что-о-о? От кого, от всех?

Директор махнул двум посетителям, чтобы вышли, и выслушал нас. По мере сначала сбивчивого, а потом все более азартного изложения, лицо его веселело, в глазах запрыгали озорные искорки.

– И что он там под засовом сидит? А не задохнется? Каргин он и воздуха пожалеет, все дыры законопатит. А я все думаю, откуда о наших привесах и урожае все до моего отчета узнают. Немудрено при такой вражеской разведке. А у вас все стали пособниками? И отцы ваши тоже?

– У меня отца нет, а его отец первым сдался.

Генка стоял, потупив глаза.

– Ладно, не горюй, разберемся кто кому враг. А сейчас вас одних отпускать опасно, слишком много вы знаете. Поэтому Гена отвезет вас на машине, а мы к собранию подъедем. И никому ни слова! Договорились? Гена! Завези ребят в столовую, накорми и вези домой. Жди меня там, я через Кадарчу к ним поеду.

Мы сидели в столовой, и видели, что на верховой лошади проскакал директор. В поводу у него была лошадь учетчика. Генка толкнул меня в бок, не в силах сдержать восторг.

Мы возвращались домой триумфаторами – абы кого на директорской машине не повезут. У них и взрослые не все на машинах катались. Гена, понимая наше настроение, поочередно пересаживал нас с заднего сиденья на переднее и, разрешая нажимать клаксон, пояснял назначение тумблеров, барашков и приборов на панели. Высадил, сам пошел к знакомому скотнику точить лясы. Мы предпочли до появления директора взрослым на глаза не показываться, потому что дали обещание ничего не рассказывать, и не знали как объяснить, что пришли без мангыра. На расспросы сверстников, пораженных нашим эффектным появлением, загадочно молчали. К вечеру приехали и сразу прошли на собрание директор и учетчик. В руках последнего был знакомый пакет.

После собрания Семен Григорьевич и дядя Елизар позвали нас домой, и рассказали о том, что хотели испытать наши мужские качества. Что мы оказались на высоте, умело опередив своих испытателей решительными действиями.

В качестве поощрения мы в погребке должны были найти пакет по карте подброшенной дядей Елизаром. В нем оказались книги «Остров сокровищ» Стивенсона и «Школа» Аркадия Гайдара и по замечательному складному ножу с ложкой и вилок. Такие ножи только у десантников, сказал дядя Семен, как они стали называть бывшего лазутчика.

Неизвестно как в селе узнали про их секрет, но отныне учетчика за глаза стали звать «резидентом», а конюха «пособником».

ГЛАВА 18. ТАЧАНКА

Тучи разверзлись в буквальном смысле. Вспышки в ночной темноте слепили, за ними следовал оглушающий гром. Все сопровождалось сплошным потоком воды, хлеставшей порывами ветра до боли. Такого видеть еще не приходилось. Даже страха не было. Остались инстинкты, заставляющие вцепиться руками за задний бортик телеги. К нему вплотную притиснуто тело и вжата голова, над которой после каждой молнии мелькают здоровенные копыта задних ног взбесившейся от ужаса Воронухи. При обратном движении эти копыта сносят передний бортик телеги, потом появляются снова. Они оснащены новыми стальными подковами с острыми шипами, способными раздробить череп или перебить позвоночник зазевавшегося волка. Что уж говорить обо мне, весом в тридцать пять килограммов, в неполных двадцать лет? Спасает только их недолет сантиметров в двадцать.

Я в этом году получил повышение из волокушников в гребельщики и мечтал продвигаться дальше. Стать метчиком пока не позволяли малорослость и малосилие. А вот вершить зароды уже доверяли. Это ставило меня почти вровень с взрослыми работниками. Я и крутился больше возле них в ущерб ребячьим развлечениям, стараясь перенять опыт, что поощрялось.

Вот и сейчас, всех оставили под присмотром бригадира на полевом стане, чтоб не гонять понапрасну коней, а взрослые выехали еще после обеда домой в отделение, работы и там хватало. Вечером дядя Саша Парыгин, бригадир, решил отправить и меня с несложными поручениями, сказав оставаться в распоряжении управляющего на все дни непогоды.

Обрадованный, я быстро запряг в телегу Воронуху, рослую кобылу, только второй год ходившую в упряжи. Она в свое время не была объезжена, потому что оказалась жеребой. Пока ожеребилась, пока отбилась сосунок, прошло два лишних года. Кобыла заматерела, обзавелась независимым характером. Пришлось с нею повозиться, но все же остепенилась и стала исправной рабочей лошадью. Ее стали доверять нам, когда привлекали на школьных каникулах к работе, главным образом, на сенокосе. Сейчас она была закреплена за мной для работы на конных граблях. За полторы недели мы сработались, стали доверять друг другу. Я уже и не думал, что от нее можно ожидать каких-то сюрпризов.

Взбесилась она после первой молнии и раската грома. Попытка остановить ни к чему не привела, кобыла оказалась «тугоротой» и не реагировала на удила. Преодолеть сопротивление просто не хватало силы. А потом начала еще и лягаться, загнав меня в задок телеги, подпрыгивающей на ухабах и норовящей опрокинуться или рассыпаться. После нескольких ударов ногами над телегой, она попробовала бить в передок, но места было мало, удара не получалось и Воронуха просто понесла меня в сторону села. Силы, приумноженной страхом, у нее было невпроворот, я не заметил когда проскочили небольшой подъем. Я уже перестал паниковать, вернулась способность соображать, но бдительности не терял. И правильно, при новых вспышках молнии кобыла то и дело норовила достать меня. Понял, что телега для меня место опасное при таком вылете ее ног. Но и спрыгнуть и сбежать, тоже было не лучшим вариантом. От стана отъехал километров пять, до деревни в два раза больше. Пока доберешься, или заблудишься в кромешной тьме под проливным дождем, или сожрет кто-нибудь. Да и просто страшно. Но уж в этом признаваться даже себе не хотелось. А людей насмешить и стать героем анекдотов, тем более.

Я перебрался за бортик и повис на нем, усевшись на выступающий центральный брус. Уперся ногами в телегу. Получив опору, собрался с силами, дернул резко вожжи и вдруг почувствовал, что кобыла мне подчинилась. Она запрокинула голову и стала сбавлять ход, все реже взбрыкивая задом и лягаясь. Не поверив себе, отпустил. Кобыла вновь понесла, я дернул вожжи, она осела.

Все! Я хозяин положения. По опыту понял, что удалось удилами порвать рот лошади и боль заставляет ее подчиняться управлению. Так часто бывает при объезде диких лошадей. Видимо так было и с Воронухой, потом рот зажил, она об этом забыла, и вот я заставил вспомнить.

Сразу все изменилось. Гром превратился в торжественный марш, молнии в софиты, дождь в декорации, а я в героя, могучего и непобедимого. Сценой была необъятная степь. Жаль, зрителей не было, при таком дожде даже суслики и тарбаганы попрятались в норы. Хотелось выразить свое ликование и я, до этого участвовавший только в хоровом пении и то из-под палки, вдруг запел. Да не что-нибудь, а знаменитую «Тачанку».

Ты лети с дороги, птица,
Зверь, с дороги уходи!
Видишь, облако клубится,
Кони мчатся впереди!

И неслась неудержимо
С гривой рыжего коня
Грива ветра, грива дыма,
Грива бури и огня.

Песня, как никогда, соответствовала моменту. Я орал, стараясь перекричать шум грозы, мне казалось, что и гром и молнии разрезают кромешную тьму по моей воле. Какой страх? Это чувство нам, победителям, неведомо.

Скачка в таком темпе не может длиться бесконечно. Воронуха, отмахав половину пути, стала сбавлять ход. Мне, вдохновленному победой над ней и обстоятельствами, пришлось пускать в ход бич. Я уже давно сидел по-хозяйски в телеге, понимая, что контроль теперь за мной. Кобыла, притомившись, шла рысью, да и мой азарт стал стихать. Природа, поняв, что ее происки не увенчались успехом, начала успокаиваться. Гром и молнии возникали все реже, ливень перешел в стадию сначала крупного дождя, потом и вовсе прекратился.

Дорога в пятнадцать километров не заняла и часу. Подъехав к дому, я успокоил прядавшую ушами и отстраняющуюся от меня Воронуху, распряг ее и повел на конный двор. Дядя Елизар, конюх, удивился моему появлению:

– Ты пошто, паря, в таку погоду, да ишо и ночью? Кто это такой ушлый, на Воронухе тебя послал в грозу? Она же грома боится, как ты доехал? О-о-о, да ты ей пасть порвал! Ну, парень, молодец! Не растерялся. Сильно брыкалась?

– Да весь передок у телеги разбила, пока не осадил.

– Телегу починим, главное дело, сам уцелел. Ну, иди, отдыхай.

Конюх, качая головой и негодуя по поводу «идиотов безмозглых, отправивших пацана на таком коне», повел во двор кобылу.

Забрав узду, я пошел домой. Нужно было переодеться и найти товарищей, времени было всего часов одиннадцать вечера. Наверняка где-нибудь по огородам лазают. Как можно в таком интересном занятии не принять участия?

ГЛАВА 19. НА КОМИССИЮ

Ежегодно военкомат требовал доставлять в райцентр всех приписников на медицинскую комиссию. Это подростки, достигшие 14 лет, которым выдавалось приписное свидетельство. Отныне они становились допризывниками и все передвижения и перемещения их за пределы района отслеживались и санкционировались военкоматом. В основном это школьники и рай-ОНО тут же организовывало свои мероприятия, исполком свои. Выезжали рано, часов в шесть утра на одной машине приписники, участники соревнований по патриотическому воспитанию, семинара по скоростной дойке коров, оренбургскому методу стрижки овец и ответработники с отчетами. Многие совмещали. Для нас поездка была большим развлечением – сто километров по проселку с такими ухабами, что водитель часто сворачивал и ехал прямо по степи. Дорога занимала часа четыре, с песнями, анекдотами, байками, руганью взрослых. Мы на ходу прыгивали и бежали за машиной, чтобы размяться. Наконец прибывали и сразу в дело. В первый день у нас был военкомат, назавтра военная игра и возвращение домой. Ночевали в школе на соломенных матрацах и взрослые и дети, гостиницы в поселке не было.

Военкомат занимался нами тоже в школе. В программу входило медицинское освидетельствование и физическая подготовка. Делалось все не то намеренно, не то по причине раздолбайства военкоматских работников с максимальным набором тягот и лишений. Начать с того, что в коридоре школы на первом этаже не было ни одной лампочки. Медицинские кабинеты располагались в классах, двери обычно закрывались, а незадействованные классы заперты на замок. Свет не проникал ниоткуда. Нас выстраивали в коридоре на входе, объясняли, что в конце кабинета регистрационная комиссия и наша задача как можно быстрее ее достичь. Поступала команда, мы с гоготом неслись сломя голову и сшибая друг друга. Там нам приказывали раздеться и в одних трусах заходить в кабинет. Вызывали по списку, непонятно было, зачем мы бежали. Но это уже начиналась армия, логика в ней понятие специфичное. Итак, мы заходили в кабинет, на свету нас встречали серьезные дяди и тети, внимательно разглядывали, записывали, выдавали обходную медицинскую карту и объясняли порядок осмотра. Я стоял перед ними с единственной заботой как выгляжу и не слишком ли позорные на мне трусы. Их, кажется, в те времена не завозили, и все они были домашнего изготовления. Инструкции не воспринимались, начиналась бестолковщина. В кабинеты специалистов заходили по одному – два человека. В одном кабинете окулист и ЛОР. Заходим с Санькой Бояркиным (с рождения на отаре, в школу почти не ходил). Меня обследует ЛОР, Саньку окулист. Слышу:

– Назови букву

– М.

– Следующую.

– В.

– Эту.

– Д.

Недоуменное:

– Он что, совсем слепой? Назови фигуру.

– Какую? Прямотрегольник.

Смех, врач берет его карту и в графе «образование» читает:

– учился в первом классе четыре года

– . Вероятно, не закончил. Ты что буквы не знаешь?

– Знаю, только не все.

Подходит очередь хирурга. Перед входом полагается снять трусы и входить уже голым. То, что там молоденькие практикантки из медучилища не должно никого смущать.

Выхожу от хирурга, народ мечется, половина опаздывает, все перезабыли последовательность. Одеваю трусы, влетает Толька Поляков. Видит – все голые, быстро снимает трусы, спрашивает, что делать дальше. Беру его карту: – Тебе сначала на второй этаж к окулисту, беги быстро, опоздаешь. Затурканный, он как есть, нагишом несется на второй этаж, люди в коридоре шарахаются, влетает в кабинет. Там персонал, непривычный к нудистам, машет на него руками, он несется обратно за трусами, на ходу обещая меня убить. Всем весело.

В таком ритме полдня, затем обед в поселковой столовой и физическая подготовка. Вернее, ее проверка. Ну, здесь все в порядке. Редко кто не выполнял армейского норматива. Компьютер тогда заменяла спортплощадка. Инструкторов было хоть отбавляй, от скуки с нами занимались все демобилизовавшиеся из армии парни в свободное время после работы и до танцев в клубе. Заодно показывали девчатам свои способности.

В пять часов в Забайкалье летом еще середина дня. Нас отпустили военкоматские и мы никому уже до отбоя не были нужны. Всем это привычно, дома так же. Здесь же все новое и это нужно исследовать. Из нашего совхоза было человек восемь, большинство интернатских, т.к. средняя школа была одна на десяток сел. Мы и тон задавали, спаялись за годы совместной учебы и проживания. Пошли вдоль улицы, поражаясь их чистоте, туалетам в каждом дворе, здороваясь с каждым встречным и не понимая их удивления при этом.

Увидели Аргунь. Граница! Бегом к берегу, посмотреть на пограничников, нейтральную полосу, сопредельную сторону и все о чем знали из книжек про Карацупу и, вообще, пограничников. Добегаем – ничего. Никаких признаков рубежей родного государства: река, трава, вода. Минут пять побродили в прибрежных кустах, надеясь наткнуться на заставу и приключения. Бесплезно, только жара донимает да насекомые. На солнце пауты (оводы), в кустах комары и гнус (мошка). Убедившись, что никого нет, решили искупаться. Купаться в наших местах, было принято голыми, даже рядом с селениями. Просто выбирались два подходящих места, и одно из них нарекалось «девчачьей купальней», а второе – «парнячьей». Здесь свидетелей не было, поэтому мы разделись, сунули одежду в кусты и с шумом бросились в воду. Доплыли до середины реки, возвращаться не хотелось, китайский берег выглядел безжизненно, решили плыть. Доплывем, отдышимся и назад.

В то время граница так и выглядела. Заставы были в десятках километров одна от другой, да еще и малочисленные. Но это не значило, что граница была бесхозной. Так и сейчас. Видимо, пограничники нас увидели давно, но опасности мы, ни для одной державы не представляли, а развлечений у них было мало, поэтому решили позабавиться. Как только мы отошли от берега и прилегли на мягкую шелковистую, пружинящую под телами нагретую травку, идиллия была нарушена невесть откуда выскочившими тремя китайскими пограничниками с криками на своем сюсюкающем языке. Перепуганные, голые мы сбились в стаю перед стволами советских автоматов. Жестами вывели нас на берег, построили, дали понять, что наша песня спета. Свидетельствую: половина четырнадцатилетних балбесов заплакала, и никто не запел «Интернационал»! Наигравшись, старший закричал в сторону советской границы на ломаном русском: – «Эй, паря, миюла! Шпиона тута имай, диверсанта!». Оттуда донеслось: – «Чего орешь, ходя? Давай их сюда, кутузка по ним плачет».

Три пинка – и вся наша диверсионная группа с рекордной скоростью преодолела водный рубеж. На нашем берегу никого не было. И пограничников нет. Появилась надежда – найти вещи и смыться потихоньку. Кинулись к оставленным вещам, их нет. Начали искать, разбрелись по берегу – ничего. Поняли, что они реквизированы. Что делать, не идти же по поселку голыми.

Потом вышел пограничник и повел нас на заставу. Старшим был сержант срочной службы. Он нас построил и приступил к допросу. Жара спала, но появились комары, которым такая добыча перепадала редко. Одежда каждому выдавалась после того, как он без запинки мог отрапортовать о себе: «Товарищ старший сержант, допризывник Бояркин, задержанный

за нарушение Государственной границы, в своем преступлении полностью раскаялся и готов понести заслуженное наказание!». Обучение длилось не меньше часа, все серьезно, без единой улыбки, тревога нарастала. Когда оделся последний курсант, уши нарушителей распухли от комаров. Тогда я понял смысл поговорки: «Курить хочется – аж уши опухли!». После теоретических занятий всех завели в большую палатку, командир сказал, что сейчас нас будут пытаться и чтоб мы на пощаду не рассчитывали, т.к. преступление наше по советским законам карается неотвратимо. После этого приказал принести орудия пытки. Что нас ждет по советским законам, мы даже представить не могли, многие скулили. Одно было ясно: что-то ужасное. Дверь палатки открылась, в нее внесли большой котел с выбивающимся паром из-под крышки. Понятно, пытать будут кипятком. Всхлипы усилились. Сержант торжественно возгласил: – «Сейчас каждый из вас пройдет испытание, кто справится, тот будет отпущен на свободу. Учтите, вас этим наказывают за страшное преступление, нам это приходится испытывать безвинно три года каждый день!» Откинули крышку котла, и по палатке распространился аппетитный запах перловой каши с бараниной. Съесть пришлось все.

После этого нам дали подержать автомат, посмотреть боевые патроны, гранату и отправили восвояси, несмотря на сопротивление.

ГЛАВА 20. ЗАРНИЦА

Школьникам второй половины 60-х и после помнится военно-спортивная игра «зарница». Это было формализованное мероприятие с едиными правилами, утвержденным набором вспомогательных средств и привлечением различных учреждений и, если повезет, военных. Для детей это был праздник. Представьте себе пацана, которому разрешили посидеть в танке или подержать автомат!

Мы учились раньше, когда «Зарницы» еще не было. Но из импровизации наших учителей она и зародилась, постепенно вырабатывались универсальные правила, убиралось ненужное и опасное. Но и пресекалась инициатива, исчезала сама суть – творчество в реальных условиях.

Хочется рассказать, как это было у нас в «дозарничное» время.

Жили мы в целинном забайкальском совхозе, недалеко от китайской границы. А районный центр располагался прямо на границе, на левом берегу реки Аргунь. Все мероприятия районного масштаба проводились в нем, для этого съезжались и свозились участники со всего района, размером с некоторые области западной части страны. Обычно это было летом, т.к. доставка осуществлялась силами хозяйств, а те, в лучшем случае, располагали грузовиками. Зимой в этом транспорте людям не выдержать. Старались совместить и приурочить все возможное, чтобы отделаться меньшими затратами. Выезжали рано утром, к обеду были на месте. В первый день выполнялись все плановые мероприятия, а на завтра проводилась военно-патриотическая игра. Ночевали в школе на соломенных матрацах и взрослые и дети, гостиницы в поселке не было.

Наутро подъем, завтрак и сбор во дворе школы. Вышел какой-то районный начальник со свитой из директоров школ и чиновников из райОНО (районный отдел народного образования). Прочитал коротенькую лекцию про заботу Партии и Правительства о благе народа, о том, что мы находимся в окружении идеологических врагов, поэтому нужно быть готовыми к любым неожиданностям. Собственно для подготовки к этому мы и собрались. Сейчас школы разобьем на два лагеря, каждый получит задание, и посоревнуемся в деле защиты Отечества.

Но тут произошел какой-то сбой. Внезапно во двор вошел майор пограничной службы и подошел к руководителю. Они переговорили, после чего руководитель обратился к нам. Сказал, что наше учение отменяется ввиду чрезвычайных обстоятельств, о которых нам расскажет начальник заставы. Пограничник обратился к нам за помощью. Оказывается, рано утром границу перешли два нарушителя, пограничный наряд их задержать не смог. Видно, что люди опытные и опасные, возможно вооруженные. У него людей для поисков мало, поэтому необходимо наше участие. Рассказал где примерно нужно искать, как себя вести в случае обнаружения. Ни в коем случае не вступать в контакт, себя не обнаруживать, сразу отправлять одного с донесением и продолжать слежку. При этом ни на миг не забывать об опасности. Приметы: внешность европейская, телосложение и одежда спортивные, говорят на многих языках.

Это в корне меняло дело, жизнь наполнилась смыслом, бойцы сразу ощутили себя героями, каждый понимал, что именно ему Родина сегодня будет обязана спасением. Никто из нас не удосужился подумать, зачем дружественному Китаю засылать к нам диверсантов европейской внешности, когда на нашей стороне китайцы живут испокон веку и вербуй их сотнями при необходимости без риска перехода границы.

Нужно было прочесать площадь дугой километров десять и двигаться к Аргуни. Это было хорошо просматриваемый кусок пастбища и пашни, с полосой кустарника вдоль берега реки. Если не обнаружим на чистом пространстве, придется искать в густых зарослях. Но это не смущало, все старались оправдать доверие. Наш неформальный лидер Толька Лопатин

сразу подбил группу интернатских, человек пять, отбиться от взрослых и действовать самостоятельно. На последующее наказание не обращать внимания – победителей не судят! Так и сделали. Не успели разобраться с командами, как мы уже оторвались и ушли в свободный поиск. Несмотря на начинающее припекающее солнце, мы за два часа обогнули заданный квадрат, и вышли непосредственно к реке. Было понятно, что супостаты где-то в кустах и сейчас предстоит самое опасное. Короткое совещание, на котором была пересмотрена вся концепция и утверждены новые правила. Так, мы отказались от установок майора не применять никакого оружия, чтоб не привлекать внимания и не навлечь на себя гнев диверсантов. В боевых условиях не до телячьих нежностей. Никакого посыльного решено было не отправлять – пока он ходит, шпионы неизвестно куда уйдут и мы за ними. Брать в плен и гнать в штаб, разумеется, если убедимся, что они безоружны. Нас пятеро и мы можем не справиться с двумя взрослыми подготовленными врагами. Поэтому держаться на дистанции и забрасывать противника камнями, которых набрали полные карманы. С этого момента напряжение нарастало с каждым шагом. Двигались, осматривая каждый куст, молча подавая друг другу сигналы руками и мимикой.

Вдруг метрах в пятнадцати колыхнулся куст, застрекотала сорока, ветром оттуда наваяло запах табачного дыма. В тени кустов уже всюю хозяйничали комары, и тот, кто там скрывался, не выдержал, закурил. Мы остановились, шепотом посовещались. Нужно было установить, сколько их и кто это. Минут через десять оттуда вышел молодой парень в спортивной форме (оружие спрятать негде). Приметы совпадали. Где же второй? Решили себя не обнаруживать, чтоб они не бросились в реку. Выждать когда отойдут и тогда заходить от реки и гнать от границы вглубь страны. Парень, озираясь по сторонам, выходил на край кустов к полю. Через некоторое время стало понятно, что он один. Значит разделились. Что ж, одного брать легче. Приготовили камни, растянулись цепью, отрезая его от реки. Приблизились к нему метров на десять, Толька гаркнул:

– Стоять!

Тот остановился, повернулся к нам:

– Молодцы, вычислили.

Улыбаясь, двинулся в нашу сторону. Знаем мы эти штучки! Град камней осыпал его. С такого расстояния не промахнулся никто. Он вскрикнул, кинулся к нам, но встреченный новым залпом, схватившись за голову, прыгнул за куст, оттуда крича на чистом русском языке. Воодушевленные первым успехом, мы пополнили запас камней, приказали ему поднять руки. Он попытался объяснить нам, что это игра, кто нам сказал, что его нужно бить по-настоящему. Толька восхищенно поцокал языком:

– Вот это подготовочка! Даже про учения знает. А язык? Не хуже нас говорит. Давай двигай прямо, пока не добавили

– «Вы, что парни, да я же пограничник».

– Что-то мы тебя вчера на заставе не видели, пограничник!

– Да вчера другая смена была.

– Иди, другая смена.

Пребираясь, вышли на поле. Мы держались от него на прежнем расстоянии, в руках камни и палки. С противоположного края поля к нам двигался УАЗик, видимо увидели в бинокль. Остановились, ждем. Подъехал майор и наш руководитель. В этот момент мы чувствовали, что награда не за горами и жалели, что нет свидетелей. Шпион повел себя непредсказуемо. Он громадными скачками кинулся к машине. Вначале мы оторопели, потом поняли, что он решил отбить машину и взять в плен начальство. Но что же командир не стреляет, ведь у него пистолет? Машина остановилась, диверсант, захлебываясь что-то говорил майору, показывая на нас. Наш руководитель вышел и спросил, из какой мы школы.

– Понятно, быстро к месту сбора!

Потом посадили шпиона к себе и они уехали. Мы почувствовали какое-то разочарование, усталость, голод, жару и жажду одновременно.

Когда подошли к строю, руководитель уже заканчивал речь:

– А теперь полюбуйтесь на наших героев.

С этими словами он указал на нас и сказал, что армия это, прежде всего, дисциплина. И что мы сорвали всю операцию, так как оторвавшись от начальника группы, не получая от него новых указаний, самовольно атаковали внедрявшегося в группу нарушителей пограничника и сорвали задание. Да еще и нанесли ему физический ущерб. Пострадавший с ободранной щекой угрюмо смотрел на нас своим ущербным, ничего хорошего не предвещающим, взглядом. Второй заплыл напрочь.

Воистину, кто родился на границе, тот смеется над «Зарницей».

Директор нашей школы получил выговор, нас с Толькой больше на такие мероприятия не брали.

Да и учеба наша на этом закончилась, на следующий год пошли работать, а там уже другие игры.

ГЛАВА 21. ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ

В разгар освоения хрущевской «королевы полей» нас осенью, начиная с пятого класса, выгоняли на уборку кукурузы, как в Узбекистане на уборку хлопка. В Забайкалье она не вызрела и годилась лишь на закладку силоса. Как-то в теплый солнечный день нам с Ванькой Барановым досталась «блатная» работа – на ходу разгрести в тракторной тележке для равномерной загрузки рубленую кукурузу, которая вылетала из рукава кормоуборочного комбайна. Стояли вдвоем на тележке, которую тянул трактор, и раскидывали вилами разлетающуюся массу по углам тележки. Тележка дергалась, мы на ходу падали на мягкое крошево, мешали друг другу подниматься, зеленая сочная крошка набивалась за шиворот, в сапоги, глаза и уши. При этом видимость была ограниченной из-за потока, вылетающего из рукава, что добавляло веселья. В какой-то момент, заигрались и спохватились, когда под рукавом образовалась пирамида, почти закрывшая сопло. Срочно кинулись отгрести. Вилы, засыпало, я начал разгрести руками. Ванька, который меня не видел, с другой стороны рукава набросился на кучу с вилами и всадил их мне в ладонь со всего размаху. От пронзительной боли взревел так, что слышали оба тракториста сквозь рокот моторов и управляющий с середины поля. Остановились, я скатился с прицепа, извиваясь и держась за руку, стал бегать по полю кругами. Управляющий, Ванькин отец, дядя Паша схватил меня и из фляжки стал обмывать рану. Рука была проколота насквозь металлическим зубом диаметром миллиметров в десять. Перетянул руку жгутом, посадил на своего Халзанку, и приказал быстро ехать в медпункт. Чести прокатиться на Халзанке раньше не выпадало никому из нас. Это был рослый красавец буланой масти, никогда не знавший хомута и бравший призы на всех районных скачках. Дядя Паша берег его пуще собственных детей. Да и сам высокий, статный с казацкой посадкой, всегда смотрелся эффектно. Было ему тогда чуть за тридцать. Кумир молодых парней, которые стремились походить на него и в подражание все пытались отращивать усы. Конь был не злой, но горячий. К тому же у него выработался рефлекс на легких седоков, которые на него садились для участия в скачках. Вот и сейчас он сразу требовательно потянул повод и пошел такой рысью, что я едва удержался в седле. Дело осложнялось тем, что повод приходилось из-за раны держать в правой руке, что непривычно. А второй рукой ухватиться за луку седла я не мог. Да и, несмотря на боль, держаться за луку означало навлечь на себя насмешки. Пять километров пролетели в одно мгновение. Я приноровился, бег у коня, несмотря на скорость, оказался неожиданно мягким, как у иноходца. Но понимал, что не я еду на Халзанке, а он меня везет. Повода он слушался только для поворотов, а скорость снижать не хотел. Когда я влетел на центральную улицу села, распугивая кур и возбуждая собак, то понял, что мне его не остановить. Медпункт пролетел на той же скорости и стал делать круги, объезжая квартал и собрав всех деревенских собак в почетный эскорт, который с веселым и разноголосым лаем преследовал меня. Некоторые пытались укусить коня, но тот не обращая внимания с гордо поднятой головой, которую я натягивал поводом, продолжал нестись, не сбавляя хода. Люди повыскакивали из домов и учреждений, меня узнали и решили, что это очередная хулиганская выходка. Послышались осуждающие крики о том, что так можно людей передавить, особенно детей. Ответить я не мог, все усилия были направлены на то, чтоб остановить коня, от напряжения все больше болела рука. Тогда я решился на рискованный трюк – направил коня на низкий метровый забор чьего-то огорода, перемахнул его и перед следующим высоким забором конь встал. Я спрыгнул с него и пошел в медпункт. Люди увидели причину моего поведения, и весь их гнев обратился на дядю Пашу чуть не угробившего пацана. Своего бы не отправил. А я с ними не соглашусь. Он бы и своего отправил, но работу не бросил. Такая была закалка и такое воспитание. А рука зажила, хотя след от прокола остался.

В деревне никто никого не инструктирует и не обучает, главным наставником является жизнь. И наставляет она без скидок на обстоятельства. К определенному возрасту все познается на собственной шкуре. Если тебе дают задание, то подразумевается, что ты готов к его выполнению. Хотя мало кому удается эту шкуру сохранить в целости. У меня до сих пор имеются отметины и у каждой своя история.

В тринадцать лет на каникулах меня взяли на работу и отправили в урочище Кадарча, километров за пятнадцать от деревни. В это время там никого не было, отару угоняли на летние пастбища, надо было скосить траву и убрать сено. Дали двух рослых меринов, запряг их в косилку «семифутовку» и полдня добирался до места. Ввиду отдаленности, предстояло там прожить три дня одному. Потом, когда подсохнет сено, должен подъехать кто-то из работников для скирдования. Никто не задумывался о том, что это опасно или неудобно. Сам я был горд доверием, собрал котомку и поехал без лишних разговоров.

После обеда уже определил делянку и приступил к работе. Косил «на развал» (один из способов), второй назывался «на склад». К сумеркам, а это в Забайкалье летом часов около десяти, лошади устали и проголодались, начали хватать траву на ходу, пришлось остановить работу. За это время выполнил дневную норму. Трава по пояс, площадка ровная, лошади сильные, косилка исправная – работай, да работай! Распряг коней, напоил из протекающего рядом ручья, стреножил и отпустил пастись на ночь. Вскипятил чай, поужинал и от усталости провалился в глубокий сон, которому не мешали ни комары, ни звон треног пасущихся лошадей.

Утром, по холодку и влажной от росы траве дело пошло еще быстрее. Отдохнувшие за ночь лошади работали охотно, косилка стрекотала, распугивая сусликов, которые со свистом прятались в норах. Перепелки взлетали и падали в траву неподалеку, смешно боком убегая – отвлекали от где-то рядом находящихся птенцов. Иногда те выбегали из-под колес и семенили табунком, маленькие и полосатые. Я их ловил, любовался и отпускал. Когда забивались ножи косилки, останавливал лошадей, поднимал на подставку (шебало) полотно, удалял застрявшую между сегментом и рожком помеху. Часам к двенадцати лошади притомились, солнце раскалило степь как сковородку, стали донимать пауты. Кони задними ногами и хвостом пытались отбиваться, но безуспешно. Жгучие укусы заставляли подпрыгивать, принуждали к неповиновению. Делать нечего, распряг, сводил к ручью, стреножил и отпустил на отдых часа на два. За это время искупался в холодном, вытекающем из ключа ручье, потом сварил картошку, поджарил сало, вскипятил чай. Пообедал, и прилег в тень под кустом, укрывшись тряпкой от паутов.

Проснулся часа через два от укуса, ужалившего через тряпку, до ломоты в руке, овода. Один конь лежал, а второй катался по земле, отбиваясь от паразитов. Наскоро перекусил и пошел запрягать. Все было отлично, полоса скошенной травы заметно увеличивалась, было чем похвастаться перед бригадиром.

Но счастье бесконечным не бывает. После второго круга забились ножи. Поднял полотно и начал выдергивать веточки кустарника из проема между сегментом ножа и рожком. У конной косилки нет механизма отключения привода полотна ножей. При движении колеса, ножи двигаются и начинают резать. Вот и сейчас, когда лошадь дернулась от укуса овода, косилка качнулась, чем привела в действие режущую часть полотна. Указательный палец левой руки, находящийся между сегментом ножа и рожком, я выдернуть не успел. От резкой боли в глазах потемнело, показалось, что земля опрокидывается. Оказывается, потерял сознание и упал. Хорошо, лошади смирные. Очнулся, посмотрел на палец, из которого хлестала кровь, понял, что надо срочно ее останавливать. Перетянул руку в запястье темляком от плетки, стал искать, чем перебинтовать. Вытряхнул из чистой тряпки хлеб, пошел к ручью, стал обмывать рану и увидел, что задета кость, которая белела в глубине. Вот от чего такая дикая боль. Палец у основания рассечен больше, чем наполовину. Стесняться было некого, я выл, катался по земле, временами отрываясь от обработки раны. Но и рассчитывать не на кого. С гре-

хом пополам обмыл рану, за неимением ничего другого облил палец керосином из лампы. Потом нашел подорожник, промыл его в ручье, обмотал им палец, замотал руку тряпкой. Боль немного стихла, рука онемела. Ослабил жгут, из книг знал, что долго держать нельзя, кроме того, приходилось участвовать в лечении животных. Напился воды, перекусил, хотел выпрячь лошадей, но одна мысль, что для этого придется работать левой рукой, бросала в дрожь. Собрал вожжи, сел на косилку, поехал. Управлять правой рукой было неудобно, но приспособился, стало получаться. Даже в голову не пришло, что надо ехать в село за помощью. Вспоминал героев Джека Лондона, Павку Корчагина, а еще больше односельчанина деда Полякова. Он на охоте отморозил пальцы ног и заметил, что начинается гангрена. Бушевала пурга, выехать, чтоб получить медицинскую помощь было невозможно. Тогда он накалил на огне нож и отрезал несколько пальцев. После этого два дня переждал пургу и вернулся домой. Этот пример был ближе, деда я знал, он только год назад умер.

Меня больше огорчал простой в работе. Приедут послезавтра люди, а сена нет и укладывать нечего. Засмеют, да и погонят с работы поганой метлой. А славу наживешь такую, что никто потом ничего не доверит. Нет, надо работать.

К вечеру кое-как разобрал лошадей, стреножить одной рукой не смог, сбрую не снимал, отстегнул постромки от вальков косилки и все. Привязал их к косилке на длинные веревки, чтобы травы до утра хватило, снова занялся раной. Палец к этому времени распух, тряпка присохла, малейшее прикосновение причиняло жуткую боль. Страх страхом, но я понимал, что оставлять так нельзя, иначе загниет. Снова повторил все процедуры. На этот раз после керосина намазал на тряпку какого-то жира, предназначенного для жарки картошки, чтоб повязка не присыхала, и опять наложил подорожник. Приготовил маломальский ужин, поел и лег спать. Просыпался раза три за ночь, когда задевал больной палец. К утру появился легкий озноб, температура, но заботы отодвинули все на второй план.

Проснувшись, повторил перевязку, палец болел меньше, даже опухоль стала спадать. Я боялся нагноения, так как ночью палец «токал», но обошлось. Ножи были чистые от постоянной работы, керосин оказался действенным дезинфицирующим средством, а подорожник – беда и выручка сельской ребятни, делал свое дело. С лошадьми ничего не случилось, напоил, пристегнул постромки и продолжил свой труд. Весь этот день проработал в обычном режиме с перерывами на отдых, обед и перевязки. Солнце все эти дни палило нещадно, сено подсохло, но набежавшие к вечеру облачка вселяли тревогу – не дай Бог дождь, столько трудов будет насмарку. Я ходил и щупал это, в буквальном смысле «выстраданное» сено и просил погоду подождать еще денек, завтра приедут взрослые и уберут.

Утром приехали мужики, отругали за невыпряженных лошадей, за порезанный палец, похвалили за работу, за стойкость и умение справляться с трудностями. Отправили на Центральную усадьбу совхоза к фельдшеру. Евгения Степановна, спасавшая до этого не один раз мне отмороженные нос и уши, привычная к нашим злоключениям, не удивилась, похвалила за умелые действия. Спросила, кто меня научил раны керосином обеззараживать. Ответил, что никто, но подсмотрел, как ветеринар заливал раны у овец, когда не было креолина.

– Ладно, иди, овца! Будешь приходить каждый день на перевязки, чтоб нагноения не было.

Но это автоматически означало отстранение от работы, поэтому уехал назад на участок. Через две недели все об этом забыли, только шрам остался напоминанием на всю жизнь.

ГЛАВА 22. ЧАБАНСКИЕ БУДНИ

Учеников распустили перед Новым годом, так как в совхозной средней школе их некому стало учить. Просто разбежались молоденькие учительницы, попавшие сюда по распределению, не выдержав тягот деревенской жизни. Это приставания сельских, постоянно подпитых и небритых ухажеров, удобства во дворе в лютый холод в кромешной тьме, отсутствие дров и хоть какой-то заботы начальства о беспомощных и беззащитных городских девчонках. Оставшихся педагогов хватило только на начальные классы. Родителям предложили пристраивать детей кто как сможет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.